

И. Ю. Литвинцев

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ НА
ДВОИХ, С НАДЕЖДОЙ НА
ПРОДОЛЖЕНИЕ

16+

Игорь Литвинцев

**Пять жизней на двоих, с
надеждой на продолжение**

«Автор»

2020

Литвинцев И. Ю.

Пять жизней на двоих, с надеждой на продолжение /
И. Ю. Литвинцев — «Автор», 2020

Автор ищет параллели в собственном социалистическом детстве и аналогичном этапе жизни Джеральда Даррелла, пытаясь абстрагироваться от окружающей их принципиально отличной конкретики. Для этого он детально анализирует биографию этого великого писателя и основателя Всемирного Фонда охраны диких животных с точки зрения возможного участия Сущности на ключевых этапах его деятельности. И приходит к выводу, что только подобное допущение позволяет объяснить все то, что происходило и позволило Дарреллу стать гуру в области сохранения и спасения редких животных. Рассматривает его две семейные жизни, не считая их случайными. Получив подтверждение своей гипотезе об избирательности действий Сущности, с удовольствием возвращается к собственной биографии. Вспоминает своих домашних питомцев, любимых котов, три разные семейные жизни и свои путешествия по следам книг Даррелла.

Содержание

Введение, общее для всей книги	5
Часть 1. Разные жизни ДМД. Величие и бесперспективность его деяний. Введение в тему	11
От детства до наследства	14
Мои сравнительные воспоминания	17
Первый английский период	19
Рай на Корфу	22
Второй Английский период	24
Почти самостоятельная жизнь	27
Наследство и первые путешествия	30
Первая семейная жизнь	32
Личная жизнь до женитьбы и после	35
Семейная жизнь после исполнения мечты	39
Начало конца	40
Неизбежность расставания	45
Вторая семейная жизнь	47
Брак на небесах	51
Благородная старость – миссия выполнена	55
Любовь к женщинам и алкоголю	57
Прощание с мэтром	59
Воспоминание Боттинга, побывавшего после смерти Джеральда	61
Даррелла на Корфу	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игорь Литвинцев

Пять жизней на двоих, с надеждой на продолжение

*И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!*
Давид Самойлов

Введение, общее для всей книги

Первая книга («ВЕЗЕНИЕ, ПРУЛЬНОСТЬ и всякое НЕПОНЯТНОЕ в моей жизни») из серии под выше приведенным эпиграфом содержит подробный анализ неординарных событий, со мной происходивших. Таких, которые затруднительно или даже невозможно объяснить только в рамках полной реальности окружающего нас мира. И предлагает гипотезы, обосновывающие их постоянно позитивное для меня завершение.

Пересказывать их не буду, но общая идея состоит в том, что существует некая Высшая сила (Бог, Абсолютный Разум и т. п.), которую я назвал Сущность. Именно она и сопровождала меня по жизни, устраивая испытания и одновременно способствуя положительному завершению различных, иногда практически неразрешимых, ситуаций. И таким образом подготавливала к возможному участию в одном из своих бесчисленных проектов альтернативной истории Земли, идею которого я сам предложил ей на рассмотрение.

Еще в процессе написания первой книги у меня в голове постоянно крутилось смутное воспоминание, что когда-то я уже сталкивался с биографией некоего известного человека, тоже богатой на разные странные и не всегда объяснимые случайности. Которые всегда заканчивались удачно, отчего окружающие считали его супер везунчиком. Но чья она была, и когда я мог ее читать – вспомнить не мог, так как, занимаясь сбором исторического материала на местные темы, часто сталкивался с литературой такого рода.

И вдруг уже здесь всплыло. Это же была биография Джеральда Малькольма Даррелла (далее ДМД), написанная уже после его смерти Дугласом Скоттом Боттингом.

Еще при жизни, уже ставши великим гуру, Даррелл не единожды получал предложения от желающих написать его биографию. К нему обращались и известные, и только начинающие писатели. И одному из них он даже аванс проплатил, но, прочитав начало, полностью разочаровался и остановил сотрудничество. Взятая было за автобиографию сам: ему казалось, что история его жизни должна принадлежать только ему одному. Но слишком поздно – не было уже ни сил, ни энергии. Понимал рассудком, что задуманное завершить во всей полноте желаемого не успеет, а писать собственный некролог не хотел.

И поэтому сразу заинтересовался, получив еще одно предложение от Дугласа Боттинга. И приложенную к нему биографию шотландского путешественника, натуралиста и писателя Гэвина Максвелла (у нас переведены два его произведения: «Кольцо светлой воды» и «Лети к своим братьям, ворон», которые, с моей точки зрения, достойны того, чтобы их прочитали все).

Даррелл, конечно, знал и ценил книги Гэвина Максвелла и даже написал на первую очень хорошую рецензию. И несмотря на то, что находился в больнице после тяжелой операции и сильно ослаб, просмотрел введение в его биографию, написанную Боттингом (последний и передал-то ее специально, как показатель уровня своего творчества).

И когда ДМД дошел до характеристики творчества Максвелла и наткнулся на фразу о том, что тот «подобно Джону Берроузу, Уильяму Генри Хадсону и Джеральду Дарреллу является одним из лучших авторов, писавших о живой природе в последние сто лет», то не заинтересоваться автором, имеющим такое высочайшее мнение о его собственном писательском таланте попросту не мог. Но самостоятельного знакомства не осилил, очень хотел, но совсем плохо себя чувствовал. И, попросив любимую супругу Ли почитать ему эту биографию вслух, понял что ему нравится все: манера написания, впечатляющее отражение природы Шотландии и, главное, ярко изложенное автором понимание главной идеи жизни Максвелла.

И ДМД сразу решил, что наконец-то нашел своего биографа, способного понять и правильно отразить его внутренний мир, и точно донести до читателей ту гигантскую задачу, которую он сам себе определил как цель своей жизни. Хотел лично с ним встретиться, но уже не смог. В этой жизни не успел. И попросил Ли не только заключить договор с Боттингом, но и предоставить тому полную свободу в процессе работы над своей биографией.

(Я бы на месте ДМД поступил точно также. Опять нахальное заявление, даже наглое, но «Сага о кольце ярких вод: Загадка Гэвина Максвелла» написана действительно мастерски. Обязательно прочитайте, уверяю вас – не пожалеете.)

Вскоре после его смерти в январе 1995 г. Ли так и сделала. И Дуглас, с радостью принял это предложение – написать полную и честную историю жизни ДМД. Ему был открыт доступ ко всем семейным архивам, включая их любовную досвадебную переписку. Два года напряженного творческого труда, поездок, встреч с людьми, знавшими Джеральда Даррелла, принесли свои плоды. Биография однозначно получилась.

В Москве я купил ее сразу же после появления русского издания (уже больше 15 лет назад, как же быстро летит время!) и быстренько проглотил, пробежав по диагонали. Не помню почему, но не было ни времени, ни условий углубляться. Хотя хотелось, так как сразу отметил мастерство автора, его профессионализм и глубокое знание темы при подчеркнутом уважении к своему герою. Книга мне понравилась и, конечно, читать ее надо было по-другому, с чувством, толком и расстановкой. И я пообещал себе сделать это обязательно, но... «потом», которое все не приходило и не приходило.

А тут взяло и пришло, прямо на острове Джерси. Я с Маришей (моей нынешней супругой) отправился туда в паломничество, просто горя желанием увидеть наконец-то легендарный Зоопарк, основанный Джеральдом почти полвека назад и, конечно, побывать на месте его захоронения. Собираясь, бросил в чемодан и биографию ДМД. Захотелось восстановить в памяти все моменты, связанные с, казалось бы, неразрешимыми проблемами создания этого частного Зоо (теперь «Парк дикой природы»: уникальное заведение, не имеющее аналогов в мире, принадлежащее «Фонду охраны дикой природы»: оба имени Даррелла).

Три дня буквально прожил в Парке (появлялся ранним утром и оставался до тех пор, пока супруга не утаскивала), на целый день погружаясь в его атмосферу. А когда в гостинице усталая Мариша проваливалась в сон (в то время это у нее очень просто получалось, до трех не успеешь сосчитать – уже выпала из действительности), с интересом перечитывал главы биографии о событиях на Джерси, но ими там и ограничился.

А вот сразу после возвращения в Москву «повезло»: простудился, но не сильно. Главное, голова не болела, а что суставы на ногах сильно распухли – дело уже привычное. Выходить из дома в любой гражданской обуви было невозможно, зато валяться на диване и читать – никаких проблем. И я смог спокойно и с удовольствием погрузиться в написанную Боттингом книгу, не менее талантливую, чем биография Максвелла. Читал и удивлялся, как же в первый раз не обратил внимание на многие вещи, которые теперь вызвали живой интерес и пробуждали в памяти воспоминания о моей собственной жизни.

И серьезно заинтересовавшись личностью ДМД, начал искать и собирать вообще все, что про него было написано. Даже одолел две на английском (с трудом, словарем и помощью):

«Himself and Other Animals. A Portrait of Gerald Durrell» его соратника Дэвида Хьюза и вторую книгу его первой жены Джеки, написанную уже после их тяжелого развода: «Jacquie Durrell. Intimate Relations». С первым ее творением «Звери в моей постели», снабженным комментариями Джеральда (которые только и придают этой посредственной книжечке определенный шарм), проблем не было – наши успели перевести и издать. (Джеки одно время вторую книгу своих воспоминаний хотела назвать «Зверь в моей жизни», но потихоньку остыла после тяжелого развода и передумала). Даже книгу его недалекой и взбалмошной сестры Марго (Маргарет Изабель Мейбл Даррелл) выловил, но ее содержание к жизни самого Джеральда отношения почти не имело.

Зато еще раз отдал должное кропотливому труду Дугласа Боттинга (как и следовало ожидать, он обе английские до меня тщательно проработал и все заслуживающее внимания оттуда вытащил; вполне можно было самому не мучиться).

Как в итоге выяснилось, до этого я почти ничего не знал о личности ДМД, творчество которого в свое время произвело на меня такое мощное впечатление. И хотя автор биографии излагает отдельные моменты его жизни без погони за дешевыми сенсациями, не стремясь ни к затушевыванию недостатков, ни к их акцентированию, многие стороны натуры Джеральда стали для меня откровением.

Но я уже давно реально смотрел на жизнь и особенно ничему не удивился. Прочитав немало биографий великих творческих личностей, пришел к выводу, что их достижения – это единственное, на что следует обращать внимание. А вот повседневную жизнь лучше вообще не оценивать. Не стоит их поклонникам скелеты в шкафах тревожить и в грязном белье рыться.

И хочу подчеркнуть, что после всего прочитанного:

а) мое отношение к писательскому ярко индивидуальному таланту Джеральда совершенно не изменилось (в отличие от реакции на труд Боттинга в LiveJournal некоторых читательниц, ранее его обожающих до восторженного визга, а теперь посчитавших, что ДМД в своих книгах их обманывал). Для меня краски его лучших книг абсолютно не поблекли;

б) его достижения и заслуги перед человечеством настолько велики, что на их фоне все остальное совершенно не значимо (по крайней мере, я так думаю).

А Дуглас Боттинг, познавший его жизнь лучше, чем кто-либо, вообще считает ДМД выдающимся человеком (хотя и не лишенным определенных недостатков), исполняющим священную миссию по спасению исчезающих по вине человека видов животных. Он называет его современным святым Франциском, причем борющимся с таким злом, которое историческому Франциску Ассизскому не могло привидеться и в самом страшном сне. (Франциск Ассизский – один из наиболее почитаемых и известных в мире католических святых. Проповедовал ценность природы, сопричастность, любовь и сострадание ко всякой твари. В 1979 г. был официально провозглашен Церковью небесным покровителем экологов. Кому интересно прочитайте о нем в очень хорошем сборнике очерков и эссе Гилберта Честертон «Фома. Франциск. Ортодоксия», написанных в 1923–33 гг.

Ну а относительно счастливых случайностей (иногда для ДМД тоже судьбоносных), то его жизнь реально напомнила мне мою. (Используя терминологию первой книги этой серии – наличием множества прутьных моментов и непонятного). Не зря же его близкие знакомые даже придумали специальный термин: «удача Даррелла».

И что еще поразило: практически полное совпадение его детских ощущений и впечатлений от окружающей природы с моими. Почитал отрывки его воспоминаний (опять же у Боттинга) и увидел себя в этом возрасте – ну прямо родственные души. Заявление нахальное, я понимаю. Но истине соответствует.

Потом, конечно, дорожки наши разошлись сильно, но любовь к животным, к природе у обоих осталась на всю жизнь. У него – как всепоглощающая страсть, она же – профессия, у меня – как хобби.

Также сильно зацепило принципиальное отличие его первой семейной жизни от последующей, ставшей счастливой. Как мне это было знакомо!

И, конечно, меня заинтересовали нюансы его жизни с такими разными по всем характеристикам женами. У меня их было не две, а три (тоже совершенно различные), но сути это не меняет. Наоборот, есть основание сделать единое заключение: «все хорошо, что хорошо кончается»!

А ведь это самое личное счастье, сколько оно содержит различных аспектов и от какого количества случайностей зависит. И как сильно при этом влияет на все стороны жизни, в том числе, и на ее продолжительность!

И находясь под впечатлением от книги Боттинга, я начал вспоминать своих жен и их прямое и косвенное участие в моих успехах и неудачах. И это было не просто, хотя бы потому, что когда-то сам сознательно и старательно постарался выбросить из головы всё, связанное с первым браком.

Ну и, наконец, наши одинаковые страдания, связанные с боязнью высоты. Для кого-то это ерунда, несущественная деталька, но только не для меня. Сравните наши переживания – в разделе «ПРС – страх» первой книги и ее приложения. Как будто один и тот же человек их переносил.

Повторюсь, именно после детального прочтения биографии ДМД у меня в первый раз и возникло желание еще раз комплексно пройтись по собственной жизни и попробовать ее проанализировать. Но на этот раз не с точки зрения пружинности и непонятного, а:

– во-первых, взглянуть на прожитое через призму одной из самых ярко выраженных черт своего характера – любви к природе (ее лесам, лугам, озерам, болотам, горам и даже дачным участкам) и всем видам живых существ: рыбам и тритонам, богомолам и паукам, жабам и квакшам, совам и соням и, конечно, котам. В общем, всем ее обитателям. Я тот, кого можно точно назвать натуралистом-любителем;

– во-вторых, отразить роль женщин, которые в значительной степени влияли на мою жизнь, а значит и на отношения с животными и природой. А с женщинами всегда не просто, почти каждая из них (по крайней мере в начале знакомства) сама по себе представляет загадочное, а иногда и необъяснимое явление.

Но я всем представительницам прекрасного пола, с которыми меня судьба сводила, выражаю свою благодарность и признательность (в разной степени, естественно). В первую очередь, конечно, бабушке и маме, тетечке Лиле, дочери, своим женам и подругам. А особенно сестре, благодаря любви и заботе которой я на старости лет получил возможность для написания этих книг. В Москве я бы никогда на это не сподобился – среда бы воспротивилась (точно знаю.)

Это может показаться странным, но в моей памяти эти две линии – женская и природная – переплетаются и иногда достаточно сильно. И, возможно, что только для такого рода воспоминаний вполне подошло бы название типа «Женщины и животные в моих жизнях». Суть бы точно отражало, но по-русски оно как-то не звучит.

Ну а дальше – череда всяких-разных событий, повседневная текучка, в общем все, как обычно. В результате возникшее желание опять было отложено «на потом». Запало куда-то так лет на десять, а вот тут, в Вильфранше, проснулось, и я его реанимировал. А потом и постарался превратить в книгу.

И вдруг туда же внедрилась личность самого Джеральда Даррелла. Чем больше я перечитывал его биографию, тем она меня сильнее притягивала, хотя жутко осложняла работу. После появления ДМД все сюжетные линии окончательно переплелись и перезапутались в моей голове.

Согласно первоначальной задумке, во введении я просто хотел рассказать, как поездка на Джерси и повторное обращение к деталям жизни ДМД подтолкнули меня к написанию вос-

поминаний о любви к природе, попыткам разведения домашних питомцев и роли во всем этом моих жен. Ну и к реализации двух давних мечт проехаться по его следам. И все!

Долго мучился с возможными вариантами, но все время неудержимо тянуло предварительно и избирательно пройтись по его биографии. Конечно, можно было бы просто отправить читателей непосредственно к Боттингу, но что тогда делать с моими комментариями?

И пытаюсь для самого себя обосновать необходимость появления фигуры Джеральда Даррелла на страницах этой книги, я вдруг получил для этого такой железобетонный повод, что все колебания отбросил.

Двадцатый год двадцать первого века для обладателя даты рождения 02.02 (это я про себя, любимого), иногда по ночам общающегося с Сущностью, не имеет права быть обыденным. И из содержания февральских сновидений я получил немало подтверждений того, что мое предложение (изложенное детально в первом томе третьей книге этой серии «Два шага назад и в светлое будущее! Но вместе с императорами») о возможном варианте осуществления новой альтернативной истории Земли – в целом принято.

А буквально несколько дней назад, 20.02.20, я увидел начало очередного сна (будем считать – вещего). Втроем, Джеральд, его вторая супруга Ли и я, рассматриваем большую рельефную карту Африки, разложенную на длинном овальном столе в каком-то конференц-зале. Ли выглядела молодой и красивой, как на свадебном фото, ну а мы – тоже ничего, симпатичные и пока стройные бородатые мужчины, лет так до 40 (в этой жизни Ли на год меня моложе, мир наш пока не покинула, но ведь и я тоже). Принимаем решения (которые будут неукоснительно выполняться), в каких районах создавать заповедные зоны и какие степени защиты они должны получить. Все это в 1808 г., заметьте, календарь МК на стеночке висел.

Свернутые карты островов Индийского океана уже проработаны и лежат на кресле в сторонке. С этим районом проще, единогласно решили сделать его практически полностью заповедным: от Мадагаскара до Сейшельских островов. (после тщательной очистки суши от всякой, уже ранее завезенной моряками, иноземной живности и растительности, тем более, что достались они нам в состоянии на начало 18 века. Это был такой потрясающий сюрприз от Сущности, но который я даже изначально рассчитывать не мог. Напомню, что перенос современной территории в прошлое предполагалось осуществить в 1807 год. Для Европы так и осталось, план не изменился. А вот с Тихо-океанским регионом и Северной Америкой нас ждала прекрасная новость. Сами понимаете почему, состояние природы за 18 век нигде лучше не стало. И гораздо проще ее сохранить, чем потом восстанавливать. Потом на примере Мадагаскара это покажу с цифрами. Только доберитесь до следующей книги и ее тома: «До и После».)

Я именно с такой просьбой и обращался, ну скажем так, «наверх» (для принятия практических мер по спасению всего биоразнообразия планеты, еще реально возможного после переноса): выделить мне группу земных специалистов прошлого, которых я смогу привлечь к работам по этому направлению. Зафиксировав в уме довольно длинный перечень фамилий, начал их с четы Дарреллов. Всей жизнью заслужили. Не забыв и сэра Дэвида Аттенборо с господином Николаем Дроздовым. И Владимира Арсеньева для будущих работ в Маньчжурии, и Петра Кузьмича Козлова (Центральная Азия, Тибет), и моего возможно дальнего-предальнего родственника Н. М. Пржевальского (чего-чего, а работы всем хватит), а также ряда других и наших, и иностранных. Здесь только нескольких перечислил, потом полный список приведу. Просить, так просить, чего мелочиться для благого дела. (Но в этом сне больше никого из них не увидел.) И вот – мне показали на виртуальном примере, что отклик Сущности будет позитивным. Ну и как после этого я мог в этой книге без ДМД обойтись, без будущего коллеги по работе, размах которой даже трудно представить.

Но на фоне величия его личности стало гораздо сложнее компоновать все остальное содержание книги. Сложилась ситуация в какой-то степени похожая на творческие муки

самого Джеральда в процессе написания бестселлера «Моя семья и другие звери». Вот как ее отразил автор:

– Я совершил огромную ошибку, впустив на первые страницы своих родственников. Стоило им появиться, как они тут же заполнили всю книгу.

Сколько в этой фразе правды, а сколько кокетства – решать вам. Но я его очень хорошо понимаю – у меня это можно сказать главная проблема – удержать себя в рамках данного сюжета. И следует добавить, что я-то Джеральда не впускал, он фактически сам ворвался, а, к тому же, задерживать его не было ни малейшего желания. В итоге всю книгу его персона не заполонила, но отхватила немало. Вот и пришлось разделить ее на относительно независимые части – в каждой по главному действующему лицу.

Совсем недавно (почти через два года после публикации) решил, что надо сделать два отдельных тома: две жизни ДМД и три моих. Разделил, прочитал и опять не понравилось. Соединил обратно, посчитав что первоначальный вариант все-таки получше выглядит. Надеюсь, что сами разберетесь и оцените целесообразность принятия этого решения. В конце концов, ведь вовсе не обязательно читать все три части. Но вот про Джеральда Даррелла, пожалуйста, прочитайте. С моей точки зрения, миссия, выполнению которой была посвящена его жизнь – последняя попытка Сущности спасти человечество от гибели в данной реальности.

Часть 1. Разные жизни ДМД. Величие и бесперспективность его деяний. Введение в тему

Очень бы хотелось в этом разделе передать свое восхищение и уважение к творчеству этого человека, взяв за образец уровень, уже достигнутый Дугласом Боттингом. Надеюсь, что мне это удастся:

во-первых, текст его биографии я использую как кладезь базовой информации – надо просто постараться не опуститься ниже его уровня и не выпасть из стиля;

во-вторых, я его единомышленник, во многом согласен с мнением цитируемого биографа, а уж с предложением присудить ДМД Нобелевскую премию за суммарные результаты, достигнутые им за свою жизнь, – на все 100 процентов. И если бы звери, птицы и прочие пресмыкающиеся оценивали вклад тех или иных людей в их защиту, он бы точно ее получил одним из первых представителей всего человечества. Но кто же их будет спрашивать – тварей бессловесных? А то, что мы их просто не понимаем, надеюсь, пока не научились понимать, так кто в этом виноват?

Так же, как не понимают пока руководители основных держав и вообще сильные мира сего, что собственными усилиями уверенно ведут нашу планету к неизбежной гибели. И я могу предсказать с очень большой вероятностью, что премию в области защиты природы выдадут какой-нибудь недалекой, но фанатичной и насквозь демагогической марионетке, типа шведской Греты. Ведь в конце 2019 г. журнал Time уже присвоил этой скандальной эоактивистке звание «человека года». А группа неких ученых даже назвала ее именем новый вид миниатюрных улиток с острова Борнео.

Теперь осталось их научить ползти цепочкой и выкрикивать лозунг «Вы украли у нас детство!» И тогда не только человечество мгновенно прозреет (если, конечно, сможет их рассмотреть и услышать), но и потепление климата немедленно прекратится. И не надо будет больше проводить этих глупых, бесполезных и насквозь демагогических саммитов и конференций под лозунгом принятия мер борьбы с его изменением.

А вот этому «Крестоносцу и Ною XX века» (как называют теперь ДМД после смерти даже те коллеги по профессии, которые не сильно торопились оценить его достижения при жизни), Человеку с большой буквы, защитнику дикой природы, который полвека пытался достучаться до сознания землян (и не только словами и лозунгами, но и практическими делами), ничего не присвоят. Хотя именно он одним из первых так ярко высветил для всего мира жуткую проблему безвозвратного исчезновения многих видов живых существ.

Задумайтесь сами (ну хоть немножко!): к тому времени, когда он открывал Зоо, примерно 80 видов уже окончательно исчезло. И примерно 500 (для млекопитающих и птиц) находилось под угрозой вымирания. Через двадцать лет – в 1980 году в четвертом издании Красной книги Международного союза охраны природы (МСОП) фигурировало уже 807 видов и подвидов млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий и рыб, балансирующих на грани существования, причем по сравнению с прежними списками только 13 видов могли быть признаны восстановленными.

А теперь сравните просто удручающие данные аналога Красной Книги для 2016 года: только к видам, находящимся на границе полного исчезновения, отнесено 2 427 видов животных. А ведь есть еще и вымирающие виды. Их количество растет по экспоненте и в 2020 году превысит 40 000!! Кто не хочет верить в такую жуткую цифру, найдите в Интернете экспоненциальную зависимость математической модели биолога и социолога из Гарварда, лауреата ряда престижных премий – Эдварда Уилсона. Причем, согласно самым последним данным этого

года, туда требуется добавить еще 600 видов только животных. И причина везде одна – полное исчезновение их среды обитания в результате человеческой деятельности.

Вы только еще раз взгляните в эти цифры и потом перечитайте крик души ДМД:

«Каждый год тратятся миллионы фунтов на вещи, сделанные человеком. Мы возводим прекрасные здания, памятники, библиотеки и картинные галереи, чтобы хранить книги и предметы искусства. Но разве животный мир не является галереей самого Бога? Разве животные – это не предметы искусства Господа? Вы можете построить новую галерею, но вам не возродить вид животных, который исчез с лица Земли».

И всю жизнь он предпринимал героические усилия, чтобы все не только осознали, но и начали как-то бороться с нашей ужасной реальностью.

С моей точки зрения, только этого уже достаточно, чтобы войти в историю навсегда. Пусть не Ноем или Крестonosцем, но современным Франциском точно. ДМД, будучи идеалистом и мечтателем с одной стороны, с другой прекрасно понимал неподъемность проекта, им задуманного. Он реально оценивал всю громаду и сложность этой проблемы, сравнивая свои усилия с попытками ненормального, захотевшего скрыть Эверест с помощью чайной ложки. Безысходность, невозможность достичь желаемого, вот какие (почти танталовы) муки продолжали преследовать его постоянно. Пока он пытался спасти, к примеру, 10 исчезающих видов (и ведь ему реально многое удавалось), прежние места их обитания исчезали, а 100 новых за это время уже оказывалось на грани выживания.

Как же он воспарит (я в этом уверен), если представится возможность поучаствовать в новой и реальной попытке спасения животного мира Земли. Пусть и альтернативной, для нас то – перенесенных, она такой не будет.

А время неотвратимо поджимает: согласно исследованиям от 2018 г., на последний период (с 1970 г.) приходится больше половины всех исчезнувших млекопитающих, птиц, рыб и рептилий! А к 2070 г. мы можем потерять от 20 до 30 % от ныне еще существующих видов животных и растений. И эти предположения еще очень скромные по сравнению с расчетами Уилсона. Может и лучше, что ДМД до их появления не дожил. (Дожил его соратник по этой борьбе – Дэвид Аттенборо, но к нему мы еще вернемся в заключении).

Очень хорошо, что увеличивается количество людей, которые понимают значимость проделанной им работы и пытаются ее продолжить на местах, при этом выражая признательность своему Учителю любыми доступными им способами. К примеру: его именем стали называть новые виды существ, которые, как ни странно, и в наши дни продолжают отыскивать даже в достаточно обжитых уголках мира.

Так, маленькая рыбка из семейства бычковых, открытая в 2004 г. в России и названная донской пуголовкой Даррелла, этим, наверное, так вдохновилась, что с низовья Дона по каналу и дальше по Волге успела за это время аж до Кинешмы распространиться.

А еще на островке Круглом около Маврикия живет геккон Дарреллов, а в Эквадоре у подножия Анд стеклянная древесная лягушка имени Дарреллов (в обоих случаях – его и Ли). Я не знаю, почему, но такие квакши – моя слабость и любовь. А эта вообще прекрасна. Почти прозрачная, да еще и с отростками, похожими на ангельские крылышки.

Наберите в Интернете ее научное имя «*Centrolene durtelorum*» и сами убедитесь, какая она красавица! Или посмотрите отчеты Фонда имени Даррелла (их можно найти в публикациях группы его фанатов, делающих очень хорошее дело – группы ДД «По страницам творчества» в «ВК»). Там приложено ее фото во всей красе.

А как интересно получилось на Мадагаскаре! Сотрудники Фонда охраны природы им. Даррелла поймали не очень обычного мангуста. Сделали все замеры, сфотографировали, а в 2010 г. пришли к выводу – это же новый вид! Но вовсе не мангустов, а виверровых. И вы, конечно, догадались, как они его назвали? Правильно догадались – в честь их семьи, так как Ли

еще будучи студенткой тоже имела самое прямое профессиональное отношение к животному миру Мадагаскара.

Ну а его талант писателя? Пусть и вынужденного, пусть появившегося в процессе погони за финансовым выживанием. Стольким людям он открыл глаза на чудесный мир дикой природы. Я уверен, что его вклад в воспитание целого подросткового поколения – просто колоссален.

В очередной раз я всем советую обязательно прочитать всю его биографию от Боттинга, точно не пожалеете. Потому что ниже буду останавливаться только на тех этапах его жизни, которые представляют для меня личный интерес и мало отражены в его собственных книгах.

А теперь перейдем непосредственно к жизни ДМД.

От детства до наследства

И начнем ее описание. Естественно, с самого рождения. Его родители, гражданский инженер Лоуренс Сэмюэль Даррелл и Луиза Флоренс Даррелл (урожденная Дикси), и родились, и всю жизнь провели в Индии. Раз в два года имели возможность отлучаться со службы у раджи на каникулы в Англию.

В 38 лет (1925 г.) Луиза Даррелл родила пятого ребенка – Джеральда Малькольма (иногда пишут Малколма) 7 января стал праздничным днем в доме Дарреллов в Джамшедпуре (провинция Бихар, теперь г. Татанагар) – все индийские слуги пришли с поздравлениями, в один голос уверяя мэ-сахиб, что мальчик родился необычный, вырастет счастливым, все желания которого в жизни будут исполняться.

Откуда это взяли слуги и Джеральд, отметивший этот факт (да еще добавив и наличие серебряной ложки в собственном рту) в своих неопубликованных воспоминаниях о детстве? Естественно, только из рассказов матери (вряд ли местные слуги могли знать это типично английское выражение про ложку). Но что и кем тут придумано – не важно. Потому что все так реально и случилось.

Его отец умер неожиданно в достаточно молодом возрасте (43 года) от кровоизлияния в мозг. И все проблемы под общим названием «как жить дальше» обрушились на плечи его мамы, совершенно не подготовленной к самостоятельному существованию.

Луиза Даррелл была очаровательной женщиной, застенчивой, скромной, обладающей замечательным чувством юмора. Миниатюрная, любопытная и порой странная, она и выглядела, и мыслила как жительница Востока. Ее старший сын, Лоренс, описывал мать как прирожденную буддистку, к тому же еще и убежденно верящую в существование духов и привидений (они ее иногда посещали и в Индии, и в Англии).

Но на проблемах своего внутреннего мира она не сильно заикливалась. Вся ее жизнь была полностью посвящена заботам о детях и муже. Без малейших жалоб Луиза в окружении детишек сопровождала его во всех перемещениях по этой огромной и такой разной стране. Но в каждом регионе находила время часами и с удовольствием пропадать на кухне, постигая секреты местных мастериц (такое у нее было хобби, чрезвычайно редкое для женщин из британских семей в Индии). В результате чего сама стала талантливой кулинаркой, способной приготовить настоящее карри во всех его разновидностях.

Была убежденной домоседкой, предпочитая побыть с детьми дома вместо посещения всевозможных праздников и приемов, довольно частых и почти обязательных в британском сообществе. Потеряв второго ребенка (Марджерит Рут умерла от дифтерии), она все время боялась за здоровье остальных, тем более что Ларри (Лоренс) и Лесли (старшие братья Джерри) постоянно чем-то болели. В общем, была практически образцовая мать.

Правда, любила по вечерам приложиться к бутылочке джина, а во время беременности всем напиткам предпочитала шампанское, но... у каждого свои привычки. И пока муж был жив и рядом, а забот с детьми всегда было выше крыши даже с целой свитой нянек и слуг, потенциальный алкоголизм Луизы таковым и оставался.

Считается, что именно от матери дети унаследовали пристрастие к спиртным напиткам. А Джеральд и Ларри – еще и грубоватый, но искрометный ирландский юмор. Отец же наградил всех сыновей яркими голубыми глазами и светлыми прямыми волосами.

Когда Джеральд сильно поправился, он решил, что и тучность тоже получил в наследство от отца. Но на самом деле это было не так. Стройный и подтянутый путешественник, он быстро набрал вес и округлился в лице вследствие перехода к неумеренному потреблению пива «Гиннесс». (Как только перешел на этот напиток и стал выпивать по ящику в день вместо обычных двух-трех бутылок других сортов ранее.) Вот сразу и начал поправляться, объясняя,

что увеличил свою норму вынужденно, исключительно в лечебных целях (борясь с анемией) для восполнения нехватки железа в организме. Нахвтался в Африке инфекционных болезней, вот и расплата. А куда податься, если доктор так прописал?

Но вернемся к Луизе, которой от природы была свойственна полная непрактичность.

– Когда умер мой отец, – вспоминал Джеральд. – Мама была так же подготовлена к реальной жизни, как только что вылупившийся птенец. Он одинолично решал все деловые вопросы и полностью контролировал финансовую сторону нашей жизни. Моей матери не приходилось беспокоиться, где взять деньги. Она привыкла относиться к ним так, словно они растут на деревьях.

А тут сразу масса забот и тревог. Хотя после объявления нотариусом наследства стало понятно, что беспокоиться в общем-то не о чем. Поступающих доходов от вложений Лоуренса вполне должно было хватать на обеспеченную жизнь всего семейства. Но она просто не знала, что делать и как правильно распорядиться деньгами. Очень страдала из-за утраты любимого мужа и опоры семьи, чувствовала себя одинокой и беспомощной, настолько, что даже подумывала о самоубийстве, в чем призналась детям много лет спустя. И только мысль о маленьком Джерри, который целиком и полностью зависел от нее, помогла переломить ситуацию. И между ними с самого детства возникла сильная близость, продлившаяся всю жизнь.

– Я был счастливчиком, которому досталось все ее внимание, – вспоминал впоследствии Джеральд.

Я так подробно остановился на характеристике его мамы, являющейся своеобразным, но неисчерпаемым источником любви и доброты к своим детям, потому что уверен: если бы не ее безграничное терпение, включающее и режим вседозволенности для Джерри, из этого ребенка никогда бы не выросла такая неповторимая индивидуальность.

(И он очень любил свою мамочку и уже в 6 лет пообещал построить ей дом, причем непременно на территории своего собственного зоопарка, чтобы они там всегда жили вместе. И фактически не только предсказал будущее. Вот что значит целенаправленность и прямой, пусть и неосознанный контакт с высшими силами.)

Забежав немножко вперед, мы возвращаемся к первым годам жизни маленького Джерри в Индии. Времени он там провел всего ничего. Однако влияние этой страны на его личность оказалось весьма ощутимым. Он никогда не считал себя англичанином в отношении национальности, культуры и поведения, в чем брал пример со старшего брата Ларри.

Впоследствии самоуверенно утверждал, что помнит многое из происходившего с ним в первые три года. Мне это кажется надуманным, хотя он с самого раннего детства (как и его брат) обладал уникальной и многогранной, то есть не только фотографической, памятью. И, может быть, этой паре будущих писателей было доступно то, что простым смертным не дано и кажется невозможным.

В своих мемуарах он писал:

– Мои воспоминания того периода напоминают яркие, цветные картинки, наполненные звуками, вкусом и ароматами. Я помню ослепительные закаты, пронзительные крики павлинов, аромат кориандра и бананов, вкус риса различных сортов. Особенно запомнился мне вкус моего любимого завтрака, когда рис варили в буйволином молоке с сахаром.

И все-таки, даже если он сам в это искренне верил, во многом его воспоминания сформировались позже, под влиянием рассказов матери. Хотя, с другой стороны, только словами невозможно передать буйство красок тропической природы. И Джерри, возможно, прав, искренне веря, что ощущение цвета и индивидуальное восприятие этой уникальной тропической цветовой гаммы у него в мозгу зародилось именно тогда. А вот что абсолютно точно, в Индии (но уже в Лахоре, ныне Пакистан) мальчик впервые столкнулся с иными формами жизни, которые оказали на него глубочайшее влияние. Знаменитое воспоминание про улиток.

Случилось это так: он шел со своей айей (индийской няней) по краю дороги, вдоль которого тянулась канава, и увидел в ней двух больших улиток бледно-кофейного цвета с темными шоколадными полосками. Они медленно наползали друг на друга, словно в загадочном танце. Улитки были прекрасны. Джерри решил, что еще никогда в жизни не видел столь замечательных созданий. Конечно, айя, предчувствуя дальнейшее развитие событий, решительно потащила воспитанника подальше от канавы, причитая, что нельзя трогать этих чудищ руками, что они грязные, ужасные и т. д. и т. п.

В этом эпизоде я его прекрасно понимаю. Когда уже в достаточно зрелом возрасте впервые увидел подобных красавиц на Маврикии, то тоже впал в ступор и долго ими любовался. Ничего общего с нашими маленькими и серенькими улитками. Ужасно хотел прихватить парочку в Москву. Но не дали (вернее, я бы обязательно с улитками попробовал попутешествовать, но супруга умоляла этого не делать: «Вдруг обнаружат и нас больше сюда не пустят?»): в стране действует полный запрет на вывоз любого живого существа (более того, в него включены даже кусочки коралла или мертвые раковины, поднятые со дна моря). На все нужно получать специальное разрешение. А это такая морока и время!

А то бы у меня дома не только улитки, но и местные гекконы с хамелеонами по террариумам ползали. Зато, пока мы в Маэбурге жили, они (увы, только улитки) обитали у нас на подоконнике в банке, затянутой марлей, и с удовольствием поедали всякую зелень, иногда занимаясь, к огромному удивлению Мариши, гермафродитными совокуплениями. Время от времени я любовался на них, а индийские хозяева смотрели на меня как на ненормального. Домашние гекконы, скорее всего, тоже так меня расценивали (и, наверное, исключительно от удивления по ночам с потолка падали прямо на нас). А мотив у комментариев маврикийских индийцев был очень знакомый – зачем тащить в дом такую гадость? Брр!

А вскоре маленький Джеральд впервые посетил зоопарк. Так они встретились (главная его мечта и он) и жизнь его изменилась навсегда. Приведу вам авторское описание этого эпохального события:

– От клеток с тиграми и леопардами исходил густой аммиачный запах, со стороны обезьянника раздавались громкие крики и визг, мелкие птички мелодично щебетали повсюду. Все это покорило меня с первой же минуты. Помню очаровательные черные пятнышки на шкуре леопарда. Помню роскошного тигра, который напомнил мне волнующееся золотое море. Зоопарк был очень маленьким, количество клеток с животными сведено к минимуму. Похоже, их никогда не чистили. Если бы я увидел такой зоопарк сегодня, то немедленно потребовал бы его закрытия.

Но тогда для него это место стало магическим магнитом. На вопрос, куда он хочет сегодня пойти, он тут же отвечал: «В зоопарк и больше никуда!» И если айя не хотела это делать, вопил нечеловеческим голосом и закатывал скандал. И куда бедной няньке было деваться?

А однажды, заболев, Джерри физически не смог отправиться по знакомому маршруту. Чтобы заполнить вакуум созданием хотя бы подобия зоопарка на дому, был немедленно привлечен слуга, который под руководством и по заказу мальчика налепил тому из глины фигурки различных зверей. Получился Зоо на дому.

Мои сравнительные воспоминания

И тут я тоже вспомнил свое детство. Оставаясь в комнате один во время частых болезней, я тоже пытался делать фигурки зверей (из пластилина и палочек от спичек, серные головки которых родители отрезали). Но в зоопарк не играл, потому что пока видел его только на картинках. В основном, разыгрывал сцены из своей любимой «Книги джунглей» и даже придумывал новые приключения Маугли и его серых братьев.

А вот чуть позднее, где-то в 6–7 лет, после поездки в Москву, так же, как и Джерри, начал грезить зоопарком.

В Ярославле его не было вообще. Но однажды родители на свою голову сводили меня в Московский. И все, я пропал и потерял покой. Папа тогда учился в столичной аспирантуре, и мама, когда ездила его навещать, как-то попробовала и меня взять с собой. Из Ярославля поезд уходил утром и возвращался вечером, в нашем распоряжении в Москве было больше шести часов. А если еще и иметь знакомую проводницу – получается экскурсия в столицу почти даром.

Потом мама рассказывала, что после первого визита в Зоо меня было совершенно бесполезно спрашивать, куда бы нам днем сходить в следующую поездку. Запрос был всегда один. Я не вопил и не скандалил, но слезно и нудно просил: «Ну только доведите меня до входа в зоопарк и там оставьте, а потом, перед поездом, заберете в условленном месте. И я никому не буду мешать, и всем будет хорошо.» Но, конечно, такого варианта никто даже рассматривать не хотел.

Только еще один раз меня пожалели и все-таки туда сводили, я четыре часа пребывания выторговал! И, на удивление родителей, застрял в отделе земноводных. И очень расстраивался, ну почему у входа в Зоо в киоске нельзя купить изображения его обитателей? Потом бы перебирали с бабушкой эти картинки, и было бы и мне что вспомнить, и нам о ком поговорить.

И чтобы больше не слышать моего нытья, мама меня оставляла дома. Я тоже был в основном маменькиным сыночком и мамочку любил. Но бабушку Лиду, наверное, любил тогда больше. И, обиженный на родителей, обещал ей, что, когда вырасту, обязательно ее заберу к себе и мы будем жить только вдвоем в маленьком бревенчатом домике в дремучем лесу. С теплой печкой, как у нас в комнате, но обязательно оборудованной лежанкой. Рядом огород, пасека. Сад с малинником и яблонями. Я стану работать лесником, следить за плотинами бобров. А охраной нашего домашнего хозяйства займутся ручная рысь и собака лайка (отголоски прочитанных мне книг). Кота тогда в мечтах еще не было, от мышей и змей должны были нас спасти ежи и семейство ласок.

Сплошные детские, но специфические фантазии – не хотел быть ни пожарником, ни милиционером, ни военным, а мечтал жить так, чтобы общение с животными, с природой продолжалось ежедневно. Но вот – совсем не сложилось.

В отличие от Джерри, у которого на Корфу свой природный рай оказался прямо за дверью дома, а еще там же поджидали наставник-энциклопедист и неплохая библиотека брата Ларри (жившего по соседству), у меня не было ни того, ни другого, ни третьего. И только после переезда, начиная с четвертого класса, я дорвался и до соседнего прудика, и до библиотеки. И началось мое самостоятельное погружение в подводный мир и жизнь его обитателей. А параллельно изучение существующих в читальном зале пособий, предназначенных юным натуралистам, и проглатывание всевозможных путешествий, как географических, так и натуралистических. И книг с историями про животных.

Я искал свою мечту в книжках (причем читал с упоением не только интересно написанные, типа «Дерсу Узала» Арсеньева, но и достаточно сухие дневники путешествий Козлова, Пржевальского, Обухова или Грум-Гржимайло, которые обычно большим спросом не поль-

зовались). А лучшее в книгах о животных, например, некоторые рассказы Сетон-Томпсона, перечитывал много раз, практически выучивая наизусть.

В детстве действительно мы с Джерри были очень похожи в проявлении своих стремлений. А потом? А потом, как уже отмечал, жизнь развела нас по разным дорожкам. Но все равно, когда я писал и многократно переписывал главы этой книги, связанные с собственной жизнью, то все время подсознательно оглядывался на Джеральда Даррелла. Интересно, что бы с ним стало в городской унылой Англии, если бы не Корфу? Ограничился бы изучением соседних садилов и прудиков? Что, впрочем, он и так делал, но мой опыт показывает, что надолго только этого занятия для подростка не хватит.

Это был, с одной стороны, человек-скала, стократно целеустремленнее меня. Не представлял в своей жизни ничего иного, кроме занятий, обеспечивающих ему возможность постоянного общения с этим многогранным и неповторимым животным миром, пусть даже на самой низкой должности в зоопарке. С детства жизнь животных затащила его в свою сферу и не отпускала. Пройдя через разные этапы представлений о собственном предназначении, до самой смерти он оставался верным рыцарем и защитником всех живых существ (ну, если не считать ошибок молодости, когда ловил некоторых из них для продажи).

А с другой стороны, не знающий никаких запретов Джеральд сам поворачивал жизненную ситуацию так, как ему на данный момент хотелось. Вот не понравилось ему учиться в школе – и он сделал все, чтобы его посчитали слишком чувствительным для этого. Боюсь даже представить, что бы его ждало у нас в стране согласно закону об обязательном образовании. Школа для слабоумных детей?

А тут, поскольку он категорически отказывался туда ходить, а будучи насильно доставленным – учиться, мама просто забрала его на свободное воспитание (как самого тупого ребенка в классе – так Джерри себя сам характеризует с удовлетворением.) И чтобы сын не сильно грустил в одиночестве – разрешила ему купить себе щенка. А про воспитание и обучение просто забыла.

Но тут я, как обычно, забежал вперед. Это случилось уже значительно позже того, как они приехали из Индии.

Первый английский период

Сначала, оставшись без супружеской опоры, мама вообще не хотела уезжать из страны, в которой многое было почти родным и знакомым. Она очень боялась нового и неведомого. Но у нее не было выбора. Детям нужно было дать правильное образование. С точки зрения британского индийского общества, сделать это здесь было невозможно, английские дети должны были обязательно ехать учиться в Англию. Исключений не могло быть. (А как в свое время бунтовал и протестовал против этого Ларри. Всю жизнь потом не мог матери простить, что его отправили к этим островным «дикарям», сразу покусившимся на его индивидуальность. Но для него, в отличие от Джерри, ситуация сложилась безвыходная. Строгий отец так решил – и все, а добрая мама была слишком беспомощна и далека, чтобы реагировать на его стенания.)

Утрата главы семьи оказала глубокое воздействие на всех детей Дарреллов. Рано лишившись отца, они выросли своевольными, привыкшими все делать, как им захочется. Заранее уверенными, что мама все простит и, более того, в итоге со всем согласится и одобрит. А бедная одинокая мама в Англии чувствовала себя очень плохо и неуютно. Дом, ранее купленный мужем, им не подошел. После нескольких малоосмысленных переездов в Лондоне, где ей все не нравилось, они осели в Борнмуте, тихом курортном городке. Там жило немало индийских британцев, вернувшихся домой, и даже некоторые старые знакомые Луизы, что сделало ее жизнь чуть покомфортней.

Дом непрактичной хозяйкой был приобретен слишком большой, с огромным садом. Когда ее спрашивали, не великовато ли поместье для вдовствующей леди с шестилетним мальчиком (старшие дети учились в пансионатах и жили в других местах), она всегда отвечала, что ей скоро будут нужны комнаты для приема друзей ее детей. Смотрела в будущее, забывая о настоящем.

По случаю переезда купила Джеральду кокер-спаниеля, получившего кличку Саймон. И, конечно, очень скоро собака стала самым близким другом мальчика. У этой пары, в отличие от мамы, не было проблем с одиночеством. А у нее были, и немалые. Вот как потом описывает этот период Джерри:

– Жизнь в огромном, гулком, пустом доме с маленьким мальчиком стала тягостно действовать на мамину нервную систему. Днем она постоянно пыталась себя занять, что-то готовила, учила готовить меня, работала в саду, где насадила целую кучу растений. Но потом приходил вечер, и вместе с ним – одиночество. И мама пыталась заглушить боль, причиненную ей смертью моего отца, при помощи горячительных напитков. В конце концов ситуация стала критической. И врачи вынуждены были поместить ее в больницу, чтобы вылечить «нервный срыв».

А вы можете представить его жизнь вдвоем со спивающейся матерью? К которой он даже приходил ночевать, чтобы не разрушать их единство. Мне кажется, Джеральда спасала только его способность большую часть времени существовать в своем собственном изолированном мире, который основывался на постоянном общении с Саймоном.

А вот когда маму увезли в больницу, жизнь его изменилась принципиально. Джерри очень сильно намучился со странной английской гувернанткой мисс Берроуз (которая была гораздо хуже фрекен Хильдур Бок у Малыша). Эта властная и неприятная особа. совершенно неадекватная, почему-то постоянно боялась, что мальчика украдут, и поэтому держала его взаперти. Ей так было спокойнее. И, что было для него смерти подобно, разрушало его личный мир, не давая вволю общаться с четвероногим другом в саду. Тем более брать грязную собаку на ночь в спальню.

А для качества приготовляемой ею еды после маминых-то деликатесов Джерри в воспоминаниях просто не мог подобрать соответствующего, самого-самого плохого определения. В

общем, намучился он сильно. И когда мама вернулась, подлечившись, был невероятно рад. Даже без возражений согласился ходить в детский сад под названием «Березки». Тем более, что теперь и сам остался одиноким. Саймон погиб под машиной, в панике вылетев из калитки на дорогу. Неожиданно в саду ему понравилось, он с удовольствием занимался рисованием, лепкой и поражал воспитательниц содержанием своих карманов, вечно набитых прудовой и садовой живностью. Для него там даже маленький аквариум оборудовали. Это был период, о котором потом написал приехавший погостить Лоренс:

– Парень сумасшедший! Таскает улиток в карманах!

Примерно в это время Джеральд впервые начал обстоятельно обсуждать с мамой свой собственный будущий зоопарк. Каких животных и в каких клетках он поселит и в каком специально построенном доме будет жить там же вместе с ней. Может, ему дали возможность заглянуть в будущее?

В 1932 г. мама наконец купила новый дом, гораздо более подходящий для нормальной жизни, и вознамерилась отправить Джеральда в школу. По его мнению, этим решением она совершила нечто настолько ужасное, что он просто лишился дара речи. Последнее было совсем не заметно, когда его тащили в школу, а он орал нечеловеческим голосом так, что температура поднималась. А когда, несмотря на все сопротивление, оказывался в классе, учиться не желал в принципе, и учителя считали его (и не без основания) настоящим тупицей.

Но я думаю, что если бы мама быстро не вернулась из больницы, а Джерри пожил бы подольше с гувернанткой, он бы и в школу с удовольствием начал ходить, как в садик. А так заявил маме, что ненавидит школу, и слабохарактерная Луиза забрала мальчика домой. А местный врач, пойдя маме навстречу, поставил Джеральду диагноз так называемой «школьной болезни», приписав ему психосоматическое заболевание, не позволяющее ребенку учиться, как все. Ему было всего девять лет. И что делает в этой ситуации его мама дальше?

Чтобы помочь сыночку побыстрее оправиться от пережитого стресса, обещает подарить ему собаку, которую он сам выберет. И, конечно, его выполняет. Так у него появился Роджер, которому было суждено стать псом, известным всему читающему человечеству, прославившись в роли верного спутника и неременного участника их совместных походов на Корфу.

Я второй раз возвращаюсь к этой ситуации, ставшей ключевой в жизни Джеральда. И не могу сформулировать своего отношения к маминому поступку. Скорее всего, Луиза просто пожалела свою нервную систему и не захотела, чтобы еще один сын перестал ее любить, чувствуя свою псевдо вину перед Лоренсом. И Джерри своего добился. Ну как ему такой мамой можно было не восхищаться?

И в этом Джеральд был не одинок. Когда вокруг стола собиралась вся семья, да еще с друзьями, то восхитительные ароматы, распространявшиеся с кухни, бесконечное разнообразие вкуснейших блюд, энтузиазм, веселье и способности замечательной рассказчицы доставляли удовольствие всем собиравшимся за ее гостеприимным столом. Она была очень дружелюбной, к любому гостю могла найти подход и поговорить с каждым.

– Хотя никто из нас этого тогда не понимал, но мама позволяла нам жить, – вспоминал потом Джеральд. – Она беспокоилась о нас, она давала нам советы (когда мы их у нее спрашивали), которые всегда заканчивались словами: «Но в любом случае, милый, ты можешь поступать так, как считаешь нужным». Мне никогда не читали нравоучений, меня никогда не ругали.

Конечно, такой подход не всегда давал положительные результаты. Или вообще не давал? Ни Лесли, ни Марго (вскоре по примеру младшего братца тоже бросившая школу) ничего не достигли в жизни. Лоренс, повзрослевший раньше, советов у мамы никогда не спрашивал. Уже и сам с легкостью выдавал их семейству.

А вот с Джерри сложнее. Ему действительно ничего не запрещали, но помочь на выбранном пути мама ему просто не могла, не умела. И кроме создания душевной атмосферы в семье,

в качестве плюса их тесного общения можно отметить только его превращение (с возрастом) в великолепного повара. Он реально унаследовал материнские кулинарные навыки и таланты (а многому еще и научился потом во Франции), потому что с детства рос настоящим гурманом и хотел сам себя угощать по высшему разряду.

А пока оставался верен себе: все достаточно большие емкости в доме, включая ванны, были забиты его тритонами, головастиками, а также им подобными созданиями из ближайшего пруда. И когда однажды Ларри всех их спустил в слив (видите ли, захотел принять ванну), Джерри, трясаясь от негодования, долго искал, как бы обозвать брата пообиднее. И нашел:

– Ну ты, писатель! – выкрикнул он.

Не было у него пиетета к этой профессии с детства. Может, поэтому так потом и сам мучался, творя большинство своих книг?

И вот здесь надо отметить настойчивость и постоянные усилия Лоренса в попытках повлиять на развитие младшего брата. Неоднократно он повторял Джеральду:

– А попробуй что-нибудь написать.

Что-то он, наверное, предчувствовал. Над Лесли постоянно издевался – видимо, уже поставил на его перспективах крест, а вот Джерри для него пока представлял загадку. Ему было интересно – что же может вырасти из этого своеобразного и пока гадкого утенка?

И тот, откликнувшись на призывы, даже сочинил несколько стихотворений, к которым Ларри отнесся с неким удивлением и даже уважением. Сам перепечатал их, и именно тогда Джеральд впервые увидел свое имя на листе бумаги.

Лоренс вообще медленно, но верно начинал становиться главой этого безалаберного и разболтанного семейства. Но жизнь в Англии никогда ему не нравилась, особенно в такой дыре (по его мнению представителя лондонской творческой богемы), как Борнмут. И в конце 1934 г. у него начал созревать план побега с этого уныло-дождливого острова на другой, солнечный и теплый. Под влиянием писем друзей, уже переселившихся на Корфу, он тоже решил отправиться туда вдвоем со своей будущей супругой Нэнси. Пожить в свое удовольствие, занимаясь любовью и творя будущие шедевры.

Как я уже отмечал, Лоренса ничто не удерживало в Англии. Родился он не здесь, у него не было английских корней, этот образ жизни – «британский образ смерти», его совершенно не привлекал. Он возненавидел эту страну с самого первого дня, когда одиннадцатилетним мальчиком ступил на ее землю, покинув родную Индию, чтобы получить образование «дома». «Остров пудингов» – вот как называл он чужую для себя Британию.

– Этот подлый, потрепанный, маленький остров, – говорил он друзьям – выворачивает меня наизнанку. Он пытается истребить все уникальное и индивидуальное во мне.

Поскольку влияние Лоренса и его авторитет значили многое, ничего удивительного не было в том, что вскоре эта идея овладела умами всех членов семьи (тем более, как я уже отмечал, Марго тоже отказалась посещать школу, и ее ничто не связывало, а мнения Лесли никто и не спрашивал). И вот уже последнее сопротивление нерешительной и боявшейся всего нового и непонятного матери Луизы преодолено, сделан необратимый шаг: обстановка упакована и отправлена на Корфу. А Джеральд, скрипя сердцем, распределил среди соседей и знакомых своих домашних животных, кроме верного Роджера, которому сделали паспорт и взяли с собой. Без него он уезжать категорически отказывался.

Рай на Корфу

А по прибытии туда их душевное состояние можно выразить двумя фразами Джеральда: «Приплыв на этот остров, мы будто родились заново»; «Корфу – это Рождество каждый день».

Про учебу все напрочь забыли: наступил, хоть и не сразу (довольно долго искали подходящий дом) период той самой беззаботной и счастливой жизни, о которой Джерри не мог даже мечтать! Пять лет продолжалась эта идиллия, все подробности которой подробно приведены в трилогии ДМД. Перечитайте ее заново. Не пожалеете. Особенно первую книгу. Лучше автора невозможно ни описать, ни передать словами их своеобразный, слегка сумасшедший, но такой милый семейный рай. (А вот сериал на эту тему лучше не смотреть – но это только мое мнение.)

Уже после выхода первой книги трилогии Корфу Международный институт искусств и литературы принимает Джеральда в свои члены. Это было полное признание его таланта писателя. В итоге книги ДМД стали неотъемлемой частью английской культуры конца пятидесятых – начала шестидесятых годов.

Успех был совершенно заслуженным: как же правдиво и откровенно детская страсть к природе (поглотившая его целиком) во всех ее проявлениях была отражена Джеральдом Дарреллом в «My family and Other Animals», которая вышла в Англии в 1955 г., а в СССР – только в 1971 г. (Почему-то под названием «Моя семья и звери», которое принципиально не отражало своеобразный и неотразимый юмор Джеральда Даррелла. Зато демонстрировало нелепую игру в щепетилку нашей высокоморальной советской цензуры).

Это была единственная книга, которую в своей первой семейной жизни он писал с радостью и удовольствием по собственному плану. Может, поэтому и лучшая. Воспоминание о детстве глазами взрослого. Чудесная сказка о мальчике, живущем в зоологическом раю на фоне своей семьи, которую впоследствии он охарактеризовал так: «омлет из ярости и смеха, приправленный диковинной любовью. Сплав глупости и любви».

Во многом с ним согласен и брат Ларри (будущий известный писатель Лоуренс Оливье Даррелл, получивший в 1957 г. престижную награду – премию Купера за «Горькие лимоны» из рук самой королевы):

– Джерри обратил свой внимательный взгляд любителя животных на собственную семью и описал ее с ужасающей биологической достоверностью. Он прекрасно воссоздал ее такой, какой она предстала перед глазами тринадцатилетнего мальчика. Это плутовская, очень веселая и, боюсь, правдивая книга – лучший аргумент в пользу того, чтобы держать тринадцатилетних мальчишек в закрытых школах и не позволять им вертеться в доме и подслушивать разговоры тех, кто лучше и старше их.

А вот его маленькая мама с большим сердцем, одна из главных героинь этого произведения, о книге отзывалась так:

– Самое ужасное, что я начинаю верить, что все было именно так, хотя и знаю, что это неправда.

Вот что такое талант и волшебная сила убеждения. Огромное количество читателей в реальности описываемого не сомневается. Да и не задается таким вопросом, а просто наслаждаются талантом автора. По моему мнению, это действительно художественное произведение, способное реально воздействовать на формирующееся мировоззрение. Я бы без колебаний рекомендовал эту книгу для чтения всем, с подросткового возраста и далее – до пенсионного.

Остается добавить, что она на всем протяжении жизни оставалась главной кормилицей Джеральда. Ее переиздания приносили ему в среднем по 100 тыс. годового дохода. И, повторюсь, именно за нее он получил первую в своей жизни литературную премию.

Однако вернемся к жизни нашего героя. Что такое пять лет в таком возрасте? Время для него пролетело слишком быстро. И он совершенно не хотел, чтобы эта сказка заканчивалась.

И был невероятно расстроен, когда им пришлось вернуться в Англию (вынужденно: вторая мировая война была уже на носу.)

Так закончился один из основных, но, несомненно, ключевых этапов жизни Джеральда. Как он сам много раз признавался, симбиоз природы Корфу и, конечно, таланта его друга и учителя Тео Стефанидеса наложили на него огромный и определяющий отпечаток и сделали его тем, кем он стал. Именно здесь обстоятельства помогли ему почувствовать и развить в себе интерес к естественной истории, ощутить вкус к познанию и исследованию и природы, и животных. То, чего он никогда не смог бы сделать сам в Англии. Но увы, этот этап его жизни, когда он мог беззаботно изучать фауну буквально в палисаднике их дома, закончился.

И теперь должен начаться следующий – ему предстоит сделать первые шаги в направлении к выбранной на всю будущую жизнь цели. Но они дались ему очень непросто. Для Джеральда возвращение в Англию стало не просто переходом от одного образа жизни к другому. Он покинул залитый солнцем средиземноморский остров, где у него был такой энциклопедически образованный учитель. Остров, на котором не только он, но и аборигены (так ему тогда казалось) жили в гармонии с природой. А очутился в северном туманном огромном городе, который был ему совершенно чужд. Сначала ему показалось, что он попал в пустоту. Где в Лондоне природа? Где солнце и море? Шок от переезда был почти физически ощутимым.

Второй Английский период

Но события развивались необратимо, и 3 сентября 1939 г. мама, Лесли и Джеральд (все, что осталось от семьи) высадились на английском берегу, и скоро все животные, которых Джеральд вывез с Корфу, а также мармозетка и сороки, добавившиеся к домашнему зоопарку уже в Англии (наш пострел везде поспел), разместились на верхнем этаже лондонского дома, снятого на время поисков более подходящего жилища. Как вы сами понимаете, несмотря на шок от смены окружения, Джерри твердо продолжал гнуть свою линию, не задумываясь об изменении обстоятельств и не встречая сопротивления со стороны мамы. Хотя задуматься бы следовало обоим: финансовое состояние их семьи сильно пошатнулось. И им явно было не до организации домашнего зоопарка.

Луиза по-прежнему не любила Лондон и хотела вернуться в Борнмут, с которым ее хоть что-то связывало. Пока она занималась поисками подходящего жилья в этом городке, Джерри потихоньку приходил в себя и осваивал британскую столицу. И, по сравнению с Корфу, открыл много потрясающих мест: кино, библиотеки, музей естественной истории, ну и, конечно, зоопарк. Посещение последнего только укрепило желание мальчика сделать все возможное, чтобы тут работать. Но в качестве кого? На первых порах он был готов на любую должность. Лишь бы поближе к зверям. А потом? Пока перспектива не очень просматривалась.

Но шансов для него найти работу в Зоо в таком возрасте не было, и он напросился в качестве помощника к хозяину соседнего зоомагазина «Аквариум». Это был большой и очень неплохой магазин, который Джерри понравился. В обязанности четырнадцатилетнего помощника входило кормление животных и уборка их клеток, террариумов и аквариумов. Очень скоро Джерри понял, что знает о потребностях обитателей магазина куда больше, чем сам хозяин. И стал проявлять инициативу и в кормлении, и в лечении питомцев, которая, как ни странно, нашла понимание и одобрение. Ему стали поручать и более ответственные задания, в частности транспортировку нового закупленного товара от оптовиков в магазин.

Я читал его подробные описания и магазина, и складов, и меня белая зависть охватывала! Мои впечатления даже от одного представления всего этого земноводного богатства я приведу дальше.

Для начала вроде все неплохо складывалось. Джерри был доволен. Ведь ему нравилось возиться в магазине, а его старание и умение ценили. Но возможный карьерный рост был прерван, переезд в Борнмут все-таки состоялся.

Как я уже отмечал, на этот раз они были вынуждены вести гораздо более скромную жизнь, чем до войны. В связи с оккупацией японцами Бирмы пропали довольно существенные доходы от ценных бумаг отца, вложенных в предприятия этой страны. И Лоренс, все это время неплохо проведший за границей (работал в Александрийском консульстве Англии в Египте как пресс-атташе) был шокирован тем скромным образом жизни, который Дарреллы вынуждены были вести в Борнмуте в годы войны. Но все это пролетало мимо Джерри, тем более, что Луиза всеми способами старалась повкуснее накормить (когда это было возможно) оставшихся с ней сыновей.

Мама все еще лелеяла надежду пристроить Джеральда в школу и даже подыскала одну небольшую частную в пригороде Борнмута. Неудачная попытка с заранее понятными результатами: он не смог сдать вступительные экзамены.

Невзирая на нехватку денег, ему наняли учителя. С одной стороны, совсем неподходящего для подготовки к экзаменам, с другой, этот любитель британской поэзии и потребления одеколона исключительно в качестве напитка, научил Джеральда пользоваться британской библиотечной системой и открыл перед ним сложный мир английского языка с его ассоциациями и ассонансами, нюансами и обертонами, поскольку сам писал книгу на эту тему. К общему

образованию это вообще не имело отношения, однако продолжило знакомство Джеральда с родным языком, которое началось на Корфу под влиянием Лоренса и книг из его библиотеки.

Даррелл уже сам начал ощущать недостаток образования и решил с помощью книг местной библиотеки постигать премудрости наук самостоятельно. Вы думаете, он взял за основу школьную программу биологии или программу курса естественных наук университета? Ничего подобного. Просто читал бессистемно все, что попадалось под руку. Как ни странно, в первую очередь художественную литературу, предпринимая, правда, время от времени попытки прорваться через многочисленные тома двух знаменитых энциклопедий – «Ларуссы» и «Британники». Не забывая и книги по любимой тематике: от Чарлза Дарвина и Анри Фабра до произведений Джулиана Хаксли и Герберта Уэллса, в том числе его биологический обзор «Наука жизни».

Потом он даже придумал и обосновал себе преимущества такого эклектичного обучения – оно, видите ли, научило его смотреть на проблемы под неожиданным углом зрения. Но недостатки метода были совершенно очевидны: в знаниях Джеральда зияли огромные пробелы. Он всегда это признавал, особенно когда стал известным зоологом и ему пришлось выступать с лекциями о науке, которую он никогда формально не изучал.

Но своих методических ошибок никогда не признавал, позднее он придумал следующее оправдательное объяснение (по принципу не было бы счастья, да несчастье помогло):

а) формальное образование могло бы убить творческую сторону моей натуры;

б) поскольку без него и без степени я не мог получить работу, то единственное, что мне оставалось, это писать, чтобы заработать на жизнь. Так я и стал знаменитым писателем.

Недостаток формального образования Джеральд компенсировал необычайно развитым и изобретательным интеллектом. Да еще ему невероятно повезло с первыми учителями на Корфу. Занятия под руководством Тео Стефанидеса подарили Джерри глубокое понимание феномена природной жизни, позволили овладеть прикладной биологией, совершенно недоступной для английских студентов (см. заключение). А старший брат, как мы уже отмечали, познакомил его с принципами художественной литературы лучше любого школьного учителя.

Еще на Корфу ему позволяли читать все, что хотелось. Закрытых тем не существовало. На любой вопрос он получал совершенно честный ответ (при условии, что отвечающие его знали). Его образование было совершенно уникально.

При этом он постоянно сталкивался с эксцентричностью своих непрофессиональных учителей (первая книга трилогии «Корфу»). Это тоже был опыт человеческих отношений. Пожалуй, после его приобретения ничто в человеческом характере и поведении не могло удивить Джеральда.

Но все эти рассуждения, делавшиеся потом, не могли изменить общей негативной картины: начальное образование было фрагментарным, среднее – нулевым, а шансов на получение высшего не существовало вовсе.

Как же быть с выбором профессии? Ведь единственное занятие, которое привлекало Джеральда, должно было обязательно содержать элементы общения с дикими животными. Но без диплома о специальном зоологическом образовании или хотя бы о среднем общем он не мог официально на нее рассчитывать. Тупик?

Так могло показаться кому угодно, однако Джерри рук не опускал, верил в свой шанс, а пока продолжал заниматься самообразованием, естественно, все так же бессистемно. И бесперспективно. Он просто читал все, что подвернется, в свое удовольствие.

Книги манили его, будили воображение, открывая новые миры: безграничных знаний и разнообразия мира, перспектив науки и строгих фактов. (Вот тут я его прекрасно понимаю. Так же хаотично осваивал книжные запасы читального зала Лермонтовской библиотеки. Скоро пожилым библиотекарям надоели мои туманные, но частые запросы и они стали запускать

меня в хранилище на свободный выпас. Прямо там в каком-нибудь закуточке я и пристраивался с очередной находкой. Главное было – не забыть меня оттуда вытащить в конце дня.)

Впоследствии, как я уже отмечал, Джеральд заявлял, что он якобы сознательно проверял такой подход к образованию на себе. Конечно же, это не так, все складывалось спонтанно, но это не помешало ему прийти потом (на гребне успеха) к выводу, что «рутина современной образовательной системы убивает в ребенке воображение. Я учился так, что мое воображение развивалось и расцветало. Оно открыло мне многое из того, чему невозможно научиться в школе, сделало из меня настоящего натуралиста и писателя».

С ним отчасти согласен и его биограф: «Действительно, если бы он отправился в университет изучать зоологию, то вышел бы оттуда с точным знанием сравнительной анатомии и линнеевского определения видов, но сомнительно, что его имя стало бы известно во всем мире».

Сознательно или нет, но он получил возможность развивать свой живой, оригинальный ум самостоятельно, не сковывая себя никакими рамками, увлекаясь тем, что его интересовало, и не обращая внимания на скучное и ненужное (хотя далеко не всегда, к сожалению, скучное бывает ненужным). Он открывал для себя новые пути и продвигался своей дорогой, не подстраиваясь под ограничения, свойственные официальному образованию. Именно это (так он сам считает) и могло заставить его задуматься над уменьшением популяции животных и начать составлять собственную Красную книгу исчезающих видов (основы международной закладывались с 1948 г.)

Так продолжалось до призывного возраста. Ему исполнилось 18 и он с тяжелым сердцем отправился на медицинскую комиссию. В армию идти категорически не хотел, легко признался, что трус, поэтому и служить не хочет, так как боится. Но это его версия. По-видимому, остаться на гражданке все-таки помогли врожденные проблемы носовых пазух, хронический катар. (Интересно, куда бы его отправили с таким заболеванием у нас, если бы на комиссии на это вообще обратили внимание? Но это была Англия. Брата Лесли, который очень хотел поступить на военную службу, ранее тоже не признали годным.)

Почти самостоятельная жизнь

Отделавшись от непосредственной военной службы, Джеральд, тем не менее, обязан был помогать армии в тылу. Пойти работать на военное предприятие его совершенно не тянуло, и он отправился в поездку по окрестностям Борнмута искать себе подходящую работу на ферме. И очень ловко выкрутился из ситуации: устроился в школу верховой езды. Сам ее нашел, сам договорился с хозяином. Ему предстояло помогать убирать в конюшне и ухаживать за двумя десятками лошадей. А также принимать участие (в роли тренера-наставника) в занятиях с обучающимися клиентами.

А за это хозяин обязался регулярно сообщать властям, что некий Джеральд Даррелл вместо военной службы реально работает на его ферме. Чистая синекура, которая обоих устраивала.

Такую жизнь Джерри и вел до конца войны, совмещая верховые прогулки с английскими дамами, сопровождающиеся мимолетными, но частыми и ни к чему не обязывающими романами (по его словам, естественно), работу на конюшне и вечерние поездки на собственной лошади Румба в лесную таверну. Надо же было молодому человеку отдохнуть от такой тяжелой жизни за пинтой другой эля. Бесцельное идилическое времяпрепровождение на фоне длительного платонического романа с «очаровательной простушкой» Джин Мартин, тоже работающей на конюшне. Совесть его была спокойна (она вообще по жизни редко его тревожила). Джеральд не испытывал никаких патриотических чувств, так как никогда не считал Англию своей родиной, она не была для него даже приемной матерью. А такие понятия, как фашизм и демократия, просто игнорировал.

Но весной 1945 г. война окончилась, и Джеральд опять стал свободен от обязательств военного времени, отдохнув таким своеобразным способом пару лет. Как понять или объяснить наличие этого периода в его жизни, я не знаю. Получается, что он на время просто выбросил из головы мысли про свои цели? Может внушил себе, что исполняет гражданский долг и, воспользовавшись этим предлогом, погрузился в беззаботное и безыдейное времяпрепровождение? Заодно и от самобытного самообразования отдохнул?

А как только срок альтернативной службы закончился – сразу проснулся и опять вспомнил про свою цель? Все выглядело именно так, как будто он опомнился и мгновенно вернулся к своим прежним стремлениям и планам: сначала отправиться в путешествия ловить зверей для зоопарков (помощником, для чего никаких дипломов не надо), а затем на заработанные таким увлекательным способом деньги создать собственный зоопарк. Оба запланированных пункта пока ни на чем не базировались, и для их исполнения одного желания было явно недостаточно. Оба требовали, как минимум, наличия серьезных навыков, которыми Джеральд в 1945 г. не обладал. И он это понимал. Где их получить? Единственный выход – найти работу в зоопарке. Причем любую. Возраст уже позволял, но кто его туда возьмет без специального образования? Опять попадание в знакомый тупик. Многие бы на его месте опустили руки. Не судьба.

Но загнанный обстоятельствами и собственной политикой самообучения в угол, Джеральд принимает совершенно отчаянное решение. Пишет длинное письмо (как сам его иронически называл «скромное») с изложением своих планов и намерений директору Зоо. Из текста которого однозначно вытекает, что для их достижения автору с несомненно великим будущим совершенно необходима практика в одном из учреждений Лондонского зоологического общества. Письмо кончалось фразой:

– Сообщите мне, когда я смогу приступить к исполнению своих обязанностей?

Как он сам потом пришел к выводу, только поразительное нахальство смогло привлечь внимание директора Лондонского зоопарка Джеффри Веверса. И действительно и привлекло, и заинтересовало. Этот любопытный (и, по-видимому, добрейший) ученый вместо того, чтобы

выкинуть послание в корзину (99 % вероятности), не только пригласил автора на собеседование, но и предложил ему поработать в Уипснейде (иногда пишут – Випснейде, филиале Лондонского зоопарка в графстве Бердфордшир). Даже придумал Джерри несуществующую должность практиканта, красиво звучащую, но оставляющую его на нижней ступеньке иерархической лесенки, в полном распоряжении опытных смотрителей.

Но Джеральду было все равно, он витал на седьмом небе от неожиданного счастья и был готов на любые испытания. И 30 июля 1945 г. явился к месту службы для получения навыков ухода за животными, все согласно его собственному плану!

Никакие дипломы у него не спросили, посчитав, что рекомендации господина Веверса достаточно, и предложили приступить к выполнению обязанностей. С собой у него были два чемодана – один со старой одеждой, а другой с книгами по естественной истории и множеством толстых блокнотов (он собирался записывать свои наблюдения за животными, а также все полезное для будущего, что сможет узнать от коллег по работе. Так потом и поступил).

Все перипетии своей работы он подробно и как всегда красочно изложил в книге «Звери в моей жизни» (иное название сборника «Только звери»). Эта веселая, но одновременно и очень серьезная книга совершенно точно достойна того, чтобы ее прочитали.

И хотя меня так и тянет осветить некоторые моменты его интересной жизни в этот период, остановлюсь только на одном. Ему было очень непросто. Мужской персонал Зоо (в отличие от женского), взрослые сотрудники-смотрители, достаточно прохладно встретили нового нестандартного практиканта с манерами юного джентльмена, считая его, ну скажем мягко, чудиком (одним из немногих исключений был недавно пришедший в зоопарк из ВВС Кен Смит, ставший для Джекки другом на всю жизнь) и частенько специально давали ему задания, чтобы посмеяться, сопряженные, однако, с большой степенью риска. Но практикант-счастливчик при их выполнении отделался только поломанными ребрами (пытаясь отделить теленка от дикой буйволицы).

Жил, как и планировал изначально, только на свою мизерную зарплату. И даже впадая время от времени в очередную роман, действительно весь отдавался внутренней жизни и проблемам зоопарка.

Только потом он понял, как вообще ему подфартило с этой практикой. Он получил тут именно те навыки, которые ему потом будут необходимы. И даже больше: Уипснейд стал для него окошком в ближайшее будущее, так как являлся единственным зоопарком в Англии, практикующим содержание диких животных в условиях, хотя бы приближенных к природным. Именно здесь у него начали выкристаллизовываться основные требования к современному Зоо, особенно на втором году работы, когда начальное состояние эйфории его уже покинуло и на окружающую его действительность начал смотреть достаточно критически. (Впоследствии, став уже известным писателем и путешественником, в беседе с Дэвидом Аттенборо в Буэнос-Айресе полувольное содержание животных в этом зоопарке он уже называл не иначе, как скотоводством. Клетки и вольеры там были сконструированы так, чтобы в первую очередь публика могла видеть зверей во всей их красе, тогда как последним требовались элементарные удобства, которых там зачастую не было. Животные в зоопарках, по его мнению, были «не те». Традиционный набор, большие экзотические львы, тигры, носороги и бегемоты совсем не обязательно привлекает зрителей. Если должным образом показать мартышек и бабочек, броненосцев и скорпионов, даже колонию термитов, – это вызовет у посетителей не меньший интерес. Более того, для этого надо меньше места, а содержание крох дело не столь накладное. Но самые страшные проклятья он обрушивал на зоопарки, где ничего не предпринималось для разведения животных в неволе. Случалось, что служители даже не удосуживались разместить их парами. Когда одна особь погибала, администрация просто снаряжала зверолова для поимки замены.

В конце концов, данный вид далек от вымирания, сколько надо, столько и отловим, – рассуждали эти чиновники. Джерри намеревался полностью изменить такое положение дел. Животных, которых они уже поймали, ни при каких обстоятельствах не собирался отдавать в бесчувственные руки. Даррелл решил основать собственный зоопарк.)

Наследство и первые путешествия

7 января 1946 г. Джеральд отметил свой двадцать первый день рождения и вступил в права наследника. Согласно завещанию отца, он получил три тысячи фунтов (что в пересчете на современные деньги превышает шестьдесят тысяч фунтов: достаточно солидно по любым временам). Вчерашний маменькин сыночек-нахлебник без копейки в кармане превратился в состоятельного человека.

Из Зоо уволился и занялся воплощением в жизнь следующего этапа своего намеченного продвижения к цели – решил отправиться в путешествие за дикими зверями. И для этого начал писать письма известным ловцам диких животных для зоопарков, предлагая им свои услуги. Он хотел принять участие в их экспедициях за собственный счет: чтобы набраться опыта. Но увы: второго любопытного и доброжелательного Джеффри Веверса среди них не оказалось. Никто не хотел связываться с новичком и нести за него ответственность. Их ответы походили один на другой – без уже имеющегося опыта таких путешествий они не могут взять его в свою экспедицию.

И тогда Джеральд решил потратить какую-то часть своих средств на собственную экспедицию. Ведь после этого он сможет вполне честно утверждать, что опыт у него уже есть и хотя бы один из этих великих профи не только возьмет его с собой, но еще и достойное жалованье предложит.

Теоретически все выглядело логично, и перспектива казалась весьма соблазнительной. Если, конечно, не начать заниматься скучными подсчетами – за сколько лет подобных путешествий он сможет скопить сумму, достаточную для организации собственного Зоо. Но они были не в натуре Джерри.

Тем более, международная ситуация для осуществления такого бизнеса была действительно подходящая. Война совсем остановила поставки новых животных для зоопарков, а многим они уже требовались для пополнения числа своих экспонатов. Особенно в дефиците были редкие, экзотические виды, изюминки Зоо, цены на которых сильно выросли.

Практика в Уипснейде дала ему важные практические навыки в избранной им профессии, основы того, как нужно грамотно обращаться с пойманными животными. Но это была лишь одна составляющая сложной комплексной профессии ловца диких зверей.

Вот интересно, давал ли он себе отчет в том, что для новичка путешествие в джунгли далекого континента с целью отлова животных с их последующей транспортировкой в Англию было практически непосильной задачей.

Сразу возникала куча вопросов. К кому обратиться за консультациями и разрешениями? И какими? Что нужно приобрести? Куда отправиться? Кого ловить? Сколько эта экспедиция будет стоить? Как всегда, систематически учиться времени у Джеральда опять не было, да и ситуация торопила. Сегодняшнее относительно небольшое число бюрократических препон после окончания войны возрастало с каждым днем.

С выбором места маршрута помогли воспоминания о путешествиях Айвена Сандерсона (Лесли на Корфу частенько притаскивал в дом популярные журналы с отрывками из его произведений «Сокровища животного мира», «Книга великих джунглей», а Джерри их тут же жадно проглатывал). Он всегда мечтал увидеть Африку, а Сандерсон подсказал ему выбор страны, являющейся мечтой любого охотника за животными. Это Британский Камерун, неразвитая и редко посещаемая территория, узкая полоска земли, протянувшаяся вдоль восточной границы Нигерии и отличающаяся удивительным разнообразием и растительного, и животного мира.

Приняв решение, куда отправиться, Джеральд занялся поисками ответов на другие, не менее сложные вопросы – когда, как, с кем и с чем ехать и за какой добычей. Надо отдать ему

должное – несколько месяцев занимался разработкой конкретного плана экспедиции. Заграничные поездки в 1946 г. все еще оставались привилегией очень немногих путешественников.

Конкретной информации не хватало. Большую помощь Джеральду оказал английский натуралист Джон Йелланд, известный орнитолог. Он был вдвое старше Джеральда, но разделял его интересы и даже согласился отправиться с ним в экспедицию.

Если говорить откровенно, то это была откровенная авантюра, хотя и старательно подготовленная новичком по некоторым направлениям. Зато экономически не проработанная вообще. Но это его типичный подход, по подобным методикам станут потом осуществляться и другие проекты Даррелла.

Про первые путешествия Джеральда тоже можно писать много и интересно. Но лучше всего обратиться к самому ДМД, начав с его первой книги, а потом перейти к двум последующим. Повторюсь, не пожалеете. (С моей точки зрения, за редким исключением, качество его книг все-таки ухудшалось со временем и увеличением их количества.)

Богтинг обратил внимание на такую странность, оставшуюся для него загадкой: повествование о первых поездках ведется от лица профессионального ловца зверей. Его познания по части дикой фауны, его суждения, все это характеризует автора как человека многоопытного, всю жизнь посвятившего отлову диких зверей в самых далеких и жутких уголках земного шара.

Между тем, на момент написания этих книг Джеральду было лишь слегка за двадцать, а весь багаж его опыта должен был только складываться. Он же именно за ним поехал. И в процессе их написания (под давлением обстоятельств) я не нашел ни одного подтверждения того, что супруга-помощница Джеки активно подтаскивала ему справочники, пособия и т. п.

Но, в отличие от биографа, я попробую объяснить этот феномен – в процессе подготовки к экспедиции он несомненно перечитал всю литературу, которая могла иметь отношение к задуманному. В частности, и по фауне Британского Камеруна, и по воспоминаниям путешественников, побывавших в этих местах. А его феноменальная память и богатое воображение позволяли ему представить себя в роли бывалого и опытного ловца. Оставалась привязать все это к конкретике, включить свой талант рассказчика – и рождается история, заставляющая читателей видеть все происходящее своими глазами. Природный талант, иначе не скажешь.

Труднее разобраться со второй загадкой – он же собирался организовать самостоятельно только одну поездку, а потом обратиться к профи и отправиться с ними на заработки. А вместо этого устроил себе целых три независимых ни от кого путешествия, пока полностью не истратил все свои деньги. Почему? Вот на этот вопрос у меня нет ответа. Могу только предположить – просто увлекся тем, что ему понравилось. Как ребенок, не задумываясь о будущем.

Первая семейная жизнь Мучительное рождение и этапы становления великого писателя

Я начну ее описание с очень тяжелого момента (я бы назвал его одним из ключевых) в семейной жизни недавно образовавшейся молодой пары. Нерасчетливый молодожен Джеральд после трех путешествий, оказавшихся убыточными, истратил все наследство отца и уже сидел без гроша в кармане, без работы и каких-либо перспектив.

В зоопарки на приличные должности его не брали (вернее, ни на какие не хотели брать). Диплома по-прежнему не было, зато в зоологическом мире Англии он уже успел приобрести влиятельных врагов во главе с директором Лондонского Зоо Джорджем Кэнсдейлом, считающего его нахальным выскочкой, неучем и т. п. (вспомните, как удачно Джерри успел проскочить на практику при старом руководителе. А новый просто пришел в ярость, когда некто Даррелл вздумал указывать ему на недостатки в работе лондонского Зоо).

И на его сторону встали очень многие признанные зоологи, включая академически образованных джентльменов. Они крайне ревностно восприняли успехи экспедиций Джеральда – наглому мальчишке удавалось по чистой удаче завладеть некоторыми редкими и ценными экземплярами фауны. Ему пеняли за полное отсутствие профильного образования, за варварские методы ловли, за теоретическую неподкованность, за наглость и самоуверенность и т. д. Получилось, что теперь вход в этот зоологический мир для него стал еще более затруднительным. И меня не удивило, что и заработать нормально на продаже добычи ему просто не дали.

Другого занятия для себя (вне Зоо и путешествий за зверями) он не видел. И после отказа, полученного письменно от всех зоопарков Британского Содружества, куда он обращался, и отсутствия средств на новые поездки был уже готов отправляться хоть в Судан, хоть в Уганду работать обычным лесничим или смотрителем музея. Серьезно рассматривал эти варианты, но, на его и наше счастье, даже и с ними не сложилось.

И тогда со всем энтузиазмом молодой супруги за него взялась Джеки. Как она сама пишет: включила «режим пилы». К этому времени брат Лоренс (пока все еще начинающий писатель, только впоследствии ставший известным столпом английского модернизма) уже не в первый раз ткнул его носом в возможность (проверенную им на собственном опыте) быстренько срубить легких денег: «Напиши что-нибудь про животных, ты же знаешь эту тему. Англичане обожают такие книги».

Но первый шаг – он трудный самый. И вряд ли без постоянного прессинга со стороны Джеки он бы на него решился. И прессинга, и помощи, так как печатал Даррелл только двумя пальцами и с огромным числом ошибок (но он то хоть в школе не учился вообще, а я-то почему так много их леплю? А печатаю вообще одним пальцем), которые надо было находить, исправлять, заклеивать и т. п. И морально поддерживать постоянно сомневающегося в себе и не сильно любящего работать тюкальщика. А денег на машинистку, способную к расшифровке его письменных каракулей, не было вообще.

Когда Джеки вспоминает об этом периоде, остается только отдать должное ее энергии, упорству, уверенности в своих силах и вере в любимого пока человека. Они жили на два фунта в неделю, а у Джеральда опять обострилась приобретенная в Камеруне малярия. И так бы все и тянулось, если бы она не заставила его выбраться из кресла и не загнала за машинку (буквально пинками в задницу – ее слова). Со стонами и вздохами, перемежающимися периодами мрачного молчания и злобного ворчания, он начал писать текст своего первого рассказа для радио.

А в итоге смешная история о том, как он охотился за волосатой лягушкой, оказалась настолько хороша и в тему, что автора еще и пригласили выступить с ней на радио. А глав-

ное – хорошо заплатили! И воодушевленный Джеральд с новым вдохновением под дифирамбы жены (исполняемые регулярно, с большой порцией грубой лести – для такого великого добытчика денег ничего не жалко) засел за свою первую книгу. Вдохновения хватило ненадолго. Он громко проклинал тот день, когда сел за машинку. Сравнивал писательскую работу с чисткой обезьянника, отдавая предпочтение последнему. Подключилась даже мама, которая решила стимулировать любимого сыночка тремя фунтами в неделю, лишь бы он завершил работу.

В результате все-таки появилась первая книга «Перегруженный ковчег», к радости близких встреченная восторженно и читателями, и критиками. И гонорар за книгу помог разделаться с долгами, пригласить машинистку и на волне оптимизма выдать следующее увлекательное описание своих поездок, включающих еще и Британскую Гвиану (оказалось, что писать, а тем более диктовать в миллион раз легче, чем тыкать в машинку двумя пальцами; как жаль, что я не могу себе это позволить). Ну и с оптимизмом взглянуть в будущее – ну, например, начать планировать следующие поездки.

А тут еще будущим читателям повезло, хотя вряд ли сначала так можно было расценивать заболевание Джеральда желтухой. Закрытый по этому поводу от всех контактов на карантин в своей комнате, лишившийся ежедневной порции алкоголя, посаженный на диету из паровой рыбы и сухариков, Даррелл разозлился на весь мир. И от такой гнусной реальности погрузился в воспоминания своего волшебного детства на Корфу. Вот так и сложились предпосылки для составления в уме детального и обстоятельно продуманного плана своего будущего бестселлера. Это была единственная книга в его первой семейной жизни, которую он творил с удовольствием и любовью.

Выздоровев и переехав в родовое гнездо в Борнмуте, он сразу полностью погрузился в работу и за 6 недель непрерывного труда перенес на бумагу все накопившееся в памяти за время вынужденного отшельничества. Это был труд подвижника, и близкие стали уже бояться за его здоровье. Когда он закончил книгу, то был близок к полному истощению. Название «Моя семья и другие звери» он придумал только в последний момент, и это был финальный штрих подлинного мастера. Только два месяца отдыха на островах Силли около Корнуолла в обществе все той же Джеки вернули его к полноценной жизни.

И если после появления первых книг количество его поклонников в разы превысило количество недоброжелателей, то после этой оно возросло многократно. Более того, он не мог даже представить ожидающий его успех, в том числе и финансовый. Но принял, как должное. Казалось бы, жизнь наладилась окончательно?

Финансовая, для семьи – несомненно. Но не для внутреннего состояния Джеральда. Чем больше он задумывался о перспективе своих дальнейших действий, тем бессмысленнее они ему казались. Опять ехать ловить живых свободных существ, чтобы их продавать? Его будут дурить владельцы Зоо, а пойманные им создания потом будут сидеть в клетках и приносить им прибыль. Разве к такой цели он стремился? Наивная мечта заработать таким путем необходимый капитал на свой Зоопарк растаяла, как дым.

В таком состоянии духа он и отправился в третью экспедицию в Камерун (1955–56 гг.), официально снова за зверями, но скорее за материалом для новой книги. На этот раз с супругой и секретаршей. Но ничего его не радовало, подсознательно он не хотел возвращаться туда, где ему было хорошо ранее, но больше так уже не будет, и он понимал почему. Даже возможная встреча с Фоном его не привлекала. Ему казалось, что повторить счастливое прошлое у него больше не получится. Начал пить больше обычного, впал в депрессию, стал ворчлив и раздражителен. Никуда не хотел выезжать из прибрежного поселения Мамфе, климат которого женщины переносили с трудом.

И тут, по словам Джеки, именно она опять спасла ситуацию, подсказав ему выход. Напомнила о мечтах, которыми он делился с ней во время их первого совместного городского выхода. Куда бы вы думали? Естественно, в зоопарк. В Бель Вью, где он временно содержал коллекцию

своих привезенных животных. И, надо отметить, это был очень удачный выбор места прогулки для ухажера. Именно там она впервые увидела иного Джеральда, заботливого, умелого и любящего своих питомцев. И уже по-другому, серьезно начала прислушиваться к его словам. А он, как всегда, красочно и очень убедительно описывал ей свою мечту:

– Надо создавать свой Зоопарк, вернее некий Зоо-питомник, причем принципиально отличный от существующих. Который будет предназначен не столько развлечению посетителей, а их просвещению. А, главное, для разведения исчезающих видов животных. Ради сохранения их на нашей планете. Но придется делать это в два этапа – сначала завести Зоо для посетителей в целях заработка денег, а потом уже организовать на его базе научный центр.

– Ну да, – продолжала внушать ему Джеки. – Ты сейчас не в себе, так как понял, что прежний план не годится, ловлей зверей денег на Зоо не заработать. Но, Джерри, теперь же у тебя появился иной источник финансирования. За твои книги начали платить хорошие деньги, а значит можно больше не продавать пойманных животных. Под будущие доходы от авторских гонораров получить в кредит необходимую начальную сумму и сразу создать свой зоопарк! И всю пойманную добычу доставить прямо туда. И начать это делать прямо с этой поездки. Ну и заодно получить новые впечатления для следующей книги, а значит и источник будущих доходов.

И впечатлительный Джеральд не только из депрессии вышел и к жизни возродился: можно сказать, просто воспарил, увидев свет в конце туннеля!

И уже с совсем иным настроением отправился в Бафут, где радостно был встречен Фоном, очень довольным встречей. Ведь именно этот человек, так пришедшийся ему по душе, сделал его книжным героем, ставшим знаменитым на всю Африку. Опять дружеские пьянки и коллективные танцы, включившие еще и парное выступление – в исполнении Фона и Джеки. В ходе которого ее несколько раз приходилось выпутывать из развевающихся королевских одежд.

(Такой же национальный наряд был подарен Джеральду при отъезде и однажды очень пригодился ему на Джерси. На званый бал по случаю годовщины Фонда в 1966 г. он явился одетый в наряд Фона, сбрав бороду и загримировав красками руки и лицо под африканца, чем и произвел настоящий фурор.)

Опять наплыв животных и знакомые многочисленные повседневные рабочие проблемы: как их разместить, сохранить и довезти до дому в целостности и сохранности. Но теперь этим руководил и с энтузиазмом занимался уже другой Джеральд, работающий на себя и считающий, что эта коллекция станет основой его собственного Зоопарка. Вы уже получили представление о характере его энергичной супруги? Пришло время подробнее остановиться и на начале их семейной жизни. Но для этого сначала немножко коснемся своеобразного характера Джерри.

Личная жизнь до женитьбы и после

Как он уверял сам, через всю жизнь пронес любовь только к животным, к выпивке и к женщинам. Именно в такой последовательности, однако начнем с конца.

В зрелые годы им было рассказано столько удивительных историй о своих любовных приключениях в юности и молодости, что у слушателей могло сложиться впечатление, что они представляли собой одну непрерывную оргию. Это, разумеется, было не так. Но богатое воображение – не остановить: оказывается все началось еще на Корфу, где с помощью местной крестьянской девчонки он, якобы, познал секс (иногда ДМД все-таки чуть понижал планку – только «прелюдию к сексу»). За этим вступлением шло описание его романтических приключений в школе верховой езды и в зоопарке Уинстеда. Джеки потом написала, что уставала от этой серии рассказов уже на стадии описания встреч с молодыми пастушками и уходила. Дальше слушать не могла.

Отнесем все это на причуды ложной памяти. Особенно начало. Все-таки Греция – страна восточная с определенными условностями и достаточно суровыми традициями. А тут такие вакханалии с мальчишкой – мне тоже совсем не верится.

Перейдем к английскому периоду: по мнению окружающих, Джерри был симпатичным молодым человеком с привлекательным, открытым лицом и подкупающими манерами. По мере взросления развивалось и редкое обаяние его индивидуальности (харизма) в сочетании с хорошо подвешенным языком. Не мудрено, что достаточно рано он уже стал считать себя покорителем женских сердец и приобрел привычку флиртовать со всеми особями женского пола, находящимися поблизости. Не пропускал никого, а вдруг? Вот и обзавелся репутацией дамского угодника. Причем в своих связях с женщинами был довольно неразборчив (мягко выражаясь). Пользовался тем, что умел пробуждать в них интерес к собственной неординарной персоне. Знал об этом, но в воспоминаниях кокетничал:

– Да, я всегда умел привлекать женщин, но, надеюсь, никогда не пользовался этим, разумеется, за исключением тех случаев, когда хотел их соблазнить.

Предпочитал женскую компанию мужской, хотя добавлял, что общество животных все-таки доставляет ему большее удовольствие.

– Животные прямолинейны и честны, – писал он. – У них нет претензий. Они не изображают из себя Господа Бога. Они не притворяются разумными и не шляются по вечеринкам.

И хотя Джеральд считал себя опытным соблазнителем, ему действительно никогда не был свойственен вульгарный цинизм. Сам процесс «охмурения» был ему интереснее результата.

По мнению его сестры Марго, прекрасно знавшей семейство изнутри, «он несколько преувеличивал свои сексуальные наклонности. Ему было очень далеко до Ларри. Хотя он часто рассуждал о своей сексуальности, все его проделки были ближе к невинному флирту. Я бы сказала, что Джерри был более ориентирован на общество матери, чем на поиски сексуальной партнерши. Ему просто не нравилось быть в одиночестве. Он всегда любил, когда рядом с ним была женщина, пусть даже она просто мешалась на кухне».

В старости Джеральд (в тех случаях, когда не ударялся в любовные воспоминания) подтверждал ее слова:

– Секс меня не слишком интересовал и занимал, поскольку у меня было много других увлечений. Если ничего не выходило, я не комплексовал.

Кроме мифических подвигов на Корфу, любил также вспоминать бесцельное, но идиллическое времяпрепровождение (работой это назвать язык не поворачивается) на конной ферме. Это было что-то типа ностальгии с примесью романтической мифомании. В его воспоминаниях на ферму приезжали только привлекательные и раскрепощенные женщины. А тут их встречал он, их будущий тренер, тоже привлекательный и раскрепощенный. Вот любовные

приключения, якобы, и свершались сами собой и протекали как будто в ином мире, далеком от повседневной жизни, от домашних и семейных обязанностей. А что касается невинной простушки с фермы, то он только объяснял ей в вечной любви и даже без поцелуев. Наверное, с целью тренировки искусства флирта или спортивного интереса?

Вот так и отшлифовывал свои способности, а потом (как я уже отмечал выше) привык флиртовать со всеми, кто оказывался рядом, ну а дальше... как получится. Но, по собственному мнению, головы никогда не терял (так ему представлялось потом, но на практике получалось совсем наоборот – просто плыл по течению). Пара его романов со случайными знакомыми дамами тянулась довольно долго, они даже жили вместе, но речь о женитьбе не возникала. И знаете почему? Его спутницы успевали самоустраниться раньше, что не сильно его и расстраивало.

А вот отношения с Джеки (Жаклин Соня Рэйсен Уолфенден) все развивались совершенно по-другому. Первый раз Джеральд ее увидел в маленькой отцовской гостинице и (по его словам) она сразу ему понравилась, хотя совсем не соответствовала стандартному типу его белокурых упитанных подружек с большими голубыми глазами, которых его мама называла коровами. Была худенькой брюнеткой 19 лет, уверенной в себе, практичной и приземленной, и по всем вопросам имела собственное мнение. Собиралась продолжить обучение вокалу и стать оперной певицей, причем действительно имела для этого хорошие данные. Даррелл с первого взгляда ей совершенно не понравился. Ненароком, слушая разговоры о нем девиц из кордебалета, тоже проживающих в их отеле, она насмешливо прозвала Джерри «петухом в курятнике» и «светским львом».

В чем-то была права, поскольку Джеральд любил пускать пыль в глаза, пытаясь жить на широкую ногу, даже когда денег у него на это не было. Этакий денди-гусар – всегда не против промочить горло и поволочиться за дамой. При этом абсолютно непрактичный, весь в маму. Только что подтвердивший это на практике: научился прекрасно обходиться со зверями, ловить, содержать, бережно транспортировать, но только – не продавать с выгодой.

Зато от природы обладающий тремя неотразимыми качествами: харизмой, обаянием и юмором. Да, обязательно надо упомянуть еще три врожденных таланта, впоследствии ярко проявившихся и очень пригодившихся: талантливый рассказчик, рисовальщик и писателя. И добавить его прекрасную память.

Два года он обхаживал Джеки всеми возможными способами (практически без денег, поэтому непростое это было занятие). Познакомил со своими зверями (сначала), со своей семьей (потом и с опаской), которой она понравилась, особенно маме. Задорная, миленькая, худенькая, с характером и совсем не похожая на прежних флегматичных сексапильных подружек.

На период ухаживания Джеральд погрузился в моногамную любовь (по его словам, в которые сам верил). По-видимому, для него некоторые интрижки в этот период были просто не в счет. Ведь флиртовал он (смотри выше) почти автоматически.

И, наконец, наш герой добил девушку. Достигнув совершеннолетия, против воли отца она ушла из семьи без единого фунта приданого, навсегда порвав все связи с родственниками. Ушла для того, чтобы выйти замуж за человека без денег и работы. Без своего жилья и ясных перспектив (лучше сказать, их полного отсутствия) в жизни. Что это было: морок, падение в любовь?

А вот у Джеральда, по моему мнению, сработал природный инстинкт самосохранения: каким-то образом он понял, что Джеки – это его уникальный шанс для выживания в окружающей враждебной действительности, совсем не напоминающей атмосферу Корфу. И он доверил свою судьбу женщине, являющейся его полной противоположностью. И, как оказалось, не ошибся. Ну и любовь, конечно, сыграла свою роль, а как же без нее? (По его утверждениям, в жизни «по-настоящему» он любил только трех женщин: маму, Джеки и Ли).

Что было дальше, вы уже прочитали выше. Если бы не усилия худенькой, но полной целенаправленной энергии Джеки, мир, наверное, никогда бы не узнал писателя Джеральда Даррелла. Без ее силы воли и упорства он вряд ли бы смог реализовать свой огромный природный потенциал.

Ну а вот ей своим профессиональным будущим пришлось пожертвовать. Оперная певица умерла, не родившись. Зато она стала секретаршей, экономкой, сиделкой, домо- и зоо-управительницей и т. п. и т. д. для Джеральда. И тянула этот воз до тех пор, пока у нее хватало терпения.

Что бы с ним стало в случае иного развития событий? Возможно, спивался бы медленно, но верно, и закончил как Лесли, умерший в пабе от остановки сердца. Хотя кто его знает, вся семья у них была пьющая и сильно закаленная в этом плане. Сумел же старший брат Лоренс стать известным писателем, пьянствуя регулярно и сменив несколько жен. (Одно принципиальное отличие – Ларри любил писать и творил с удовольствием. Его не надо было заставлять этим заниматься.)

Семейная жизнь молодоженов из нищеты перешла в режим финансового благополучия. Однако характеры у обоих были непростые, да и их природная ирландская вспыльчивость не способствовала мирному обсуждению разногласий. Уже во время третьей экспедиции в Камерун началось охлаждение отношений, ставшее заметным даже для окружающих. Об этом вы тоже уже читали выше, и опять Джеки сумела преодолеть этот кризис и вывести Джеральда на новую орбиту, возродив его же старую мечту – создание своего Зоо.

На этот раз энтузиазма ему хватило надолго. И очень вовремя, потому что сначала все шло плохо и неудачно. Привезенные звери второй год продолжали ютиться в клетках на задворках жилища сестры. Зоологический мир Британии отказался помогать с поисками места для личного зоопарка. Собственные усилия после долгих переговоров с властями Борнмута, а потом и маленького Пула, оказались безрезультатными. А время шло, и что делать со зверинцем, приютившемся в садике у Марго, было абсолютно неясно. Как и где продолжать поиски – тоже. А тут еще поездка в Южную Америку, мало поспособствующая налаживанию отношений.

Первые угрозы Джеки по поводу развода, еще достаточно несерьезные, прозвучали сгоряча. Вынужденное расставание отодвинуло надвигающуюся прямую размолвку (травмировав голову в автомобильной аварии Джеки пришлось уехать из Буэнос-Айреса в Лондон) и на расстоянии, казалось, любовь опять вернулась (прочитайте письмо Джеральда из Аргентины – приведено дальше по тексту).

Из Южной Америки ДМД вернулся ко всем английским проблемам (и супруге) только весной, и тут им наконец-то повезло с находкой отличного места для зоопарка (идея забыть про Англию и обратить внимание на Нормандские острова опять же принадлежала Джеки). И именно во время обсуждения этой проблемы с его приятелем в Лондоне вдруг случайно всплыла фигура майора Фрезера, коренного джерсийца, который там знал все и лучше, чем кто-либо, мог им поспособствовать в поисках подходящего места для Зоопарка.

События (после двухлетнего застоя) начали развиваться стремительно – за полтора часа после приезда на остров вопрос был уже практически решен. И знаете, где они нашли идеальное место? В старинном, в достаточной степени заброшенном поместье Огр, которое майору Фрезеру и принадлежало. Его каменные стены и арка 16 века отлично смотрелись на фоне дубовых и каштановых рощ, и Даррелл сразу представил себе, как прекрасно сюда впишется его Зоо.

А самое главное – хозяева соглашались сдать поместье в аренду. Это было принципиально необходимо, так как его покупку Дарреллы вообще бы не потянули. Даже на аренду пришлось брать кредит (20 тыс. фунтов с большим трудом выдал издатель под будущие книги). И был составлен план их написания, так что новоиспеченного владельца зоопарка мог теперь

спасти только тяжкий и нелюбимый им писательский труд. Единственный реальный источник будущей прибыли. Таким образом, весной 1959 г. детская идефикс Джерри свершилась: он почти приобрел желанную и дорогую игрушку! Которую, правда, еще надо было из мечты превратить в действительность. (Прямо как в нашей советской песне: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».) С этого момента и началась великая эпопея островного Ковчега.

Семейная жизнь после исполнения мечты

К этому времени Даррелл уже получил мировую известность и как автор своих первых волшебных книг, и как удачливый зверолов. Но каким совершенно не практичным он был, таким и остался. Желанное детище родилось, но вскоре выяснилось, что его создатель сам стал его узником.

Согласно представлениям Джеральда, зоопарк за счет наплыва посетителей должен был прямо с начала функционирования начать приносить прибыль. Ну хотя бы стать самоокупаемым. А заодно и саморазвивающимся объектом. Реальность оказалась иной – через 4 года долги Зоо составили 20 тыс. фунтов стерлингов. И это не считая личных долгов хозяина (выплату по кредиту на аренду поместья никто не отменял). Крах задуманного казался неминуемым.

Джеральд самоуверенно считал, что сможет ездить в экспедиции и одновременно руководить строительством и становлением зоопарка (вообразите себе – удаленный доступ без интернета). И сначала просто не представлял, какое тяжкое финансовое бремя взвалил на свои плечи. Он же никогда ранее ничем подобным не занимался, а при этом не имел деловой хватки и не разбирался ни в финансах, ни в людях.

Гораздо более практичная Джеки, не занимая в Зоо никаких должностей, делала все возможное для поддержания его на плаву, пытаясь экономить во всем, выступая его теньвым управляющим. Но ее здравого смысла без профессиональной подготовки для этого оказалось маловато. Да и поддержка супруга оставляла желать лучшего. Он всецело доверял своему ставленнику-директору – больше, чем советам жены. С горечью она писала: «Оказалось, я вышла замуж за Зоопарк Даррелла, а не за него самого! Все сотрудники знали, что могут свободно говорить со мной обо всем, я была своеобразной записной книжкой Джерри. Так продолжалось довольно долго, пока после жалоб директора, который явно не справлялся со своими обязанностями, он не начал возражать против такой политики и прочел мне занудную лекцию о том, как мне следует вести себя в зоопарке и на Джерси вообще. Будучи по происхождению еще большей ирландкой, чем Джерри, я вспыхнула и прямо сказала ему, куда он может отправляться со своим драгоценным зоопарком и всеми комитетами».

Начало конца

И чем дальше, тем взаимное непонимание и противоречия между ними только увеличивались. Конечно, с самого начала совместной жизни было ясно, что подходы к ней у Джеральда были совсем не такими, как у Джеки. За примерами не надо далеко ходить. Заглянем в их джерсейский семейный дом.

Джеральд считал, что он должен быть всегда открытым для всех. Именно так жили Дарреллы на Корфу и в Борнмуте. Он не любил одиночества. Так и вышло. В гостиной велись бесконечные обсуждения повседневных проблем Зоо, которые не прекращались и за обедом. Входная дверь не закрывалась. В такой жизни не было места ни для интимности, ни для покоя. Последнее совершенно не нравилось не только Джеки, но даже стареющей маме, которая вроде бы должна была быть привычной к подобному бедламу. Но если уже и она пожаловалась в письме к Ларри на эту тему («постоянные посетители сведут меня с ума»), чего же было ждать от менее терпеливой Джеки. Жизнь в поместье, а теперь уже и вообще на острове, вызывала у нее приступы клаустрофобии: «Джерри буквально бредит зоопарком. Он одержим, – писала она. – Времени на личную жизнь у него не остается. Я начинаю думать, что наш зоопарк – это своего рода Франкенштейн».

А Джеральду не оставалось ничего иного, кроме энергичного эксплуатирования единственно доступного ему источника финансирования – писательского труда. Он закончил одиннадцатую книгу за девять лет, по-прежнему оставаясь в ряду наиболее читаемых английских авторов. Любовь к приключениям, дар рассказчика, чувство юмора, умение описать животных с самой неожиданной точки зрения, контактность и дружелюбие сделали его мастером прозы о путешествиях и животных. Писательскую карьеру Даррелла иначе как триумфом не назвать.

В качестве продолжения он уже задумал написать историю создания и выживания Джерсийского Ковчега, выбрал знакомую и злободневную для себя тему, посвященную первым четырем годам существования зоопарка. Но повседневные заботы не давали ему возможности писать днем, поэтому он пытался работать над созданием книги «Поместье-зверинец» по ночам. Много раз приступал и останавливался. Джеки видела, что дается она ему очень тяжело.

– Никогда еще я так не хотела написать эту книгу за него, – говорила она.

Отвращение Джеральда к писательской работе стало почти патологическим. Он переживал острый кризис. Ему казалось, что он собственными руками продал себя в рабство. И за этими деталями действительно скрывалась трагедия. Джеральд начал понимать, что стал узником собственного зоопарка.

– Скоро звери нас сожрут, – как-то высказался он и был не далек от истины, если не рассматривать ее в прямом смысле этого слова.

Оказалось, что у него не осталось сил, чтобы радостно играть с новым приобретением. Ни сил, ни времени, ни денег, ни понимания, как быть дальше. Но обсуждать эту тему с супругой он не хотел. Было ли это вызвано разочарованием от того, что мечта оказалась слишком далека от реальности? Или его начинало угнетать заметное уменьшение поддержки со стороны Джеки?

В таких условиях совместная жизнь становилась все более трудной для обоих. Множились обиды. И хотя случилось очередное чудо и финансовые проблемы с зоопарком на пятый год его существования удалось преодолеть благодаря квалифицированной помощи со стороны и трансформации его в благотворительный фонд (на этом, достаточно туманном моменте остановлюсь подробнее позже), их отношениям это не помогло.

А тут в 1964 г. умерла мама Джеральда, которую он очень любил. Он всегда был маменькиным сыночком и не очень представлял себе жизнь без ее моральной поддержки, воспоминаний о ее вкуснейших обедах и постоянного присутствия рядом. И вот – остался один, и очень

сильно обиделся на Джеки, которая, как ему показалось, никак не поддержала его и в этот трудный период. Посчитал, что он осиротел дважды.

В их медленно умирающей совместной жизни было всякое; но действительно серьезно все началось с отдельных деловых поездок (Джеки в Аргентину, он в Африку, в Сьерра-Леоне). Уже тогда все висело на волоске – прочитайте выдержку из письма Джеральда в Буэнос-Айрес:

«Я рассчитывал получить от тебя письмо с сообщением о разводе. Я бы не упрекнул тебя. Не слишком я похож на идеального мужа, но все же мысль об этом меня угнетает. Дорогая, жизнь так коротка, давай не будем расставаться – ни эмоционально, ни физически. Я знаю, что жить со мной трудно, я слишком многого требую, но я постараюсь измениться. Проблема в том, что, когда я далеко от тебя, мне так плохо, что я начинаю сердиться и раздражаться, а это еще сильнее отдаляет тебя от меня. Давай попробуем любить друг друга и попытаемся вернуться в ту сказочную страну, где мы с тобой встретились. Я страшно скучаю по тебе. Я люблю тебя. Береги себя и поскорее возвращайся. Бог даст, мы еще увидим светлые времена. Люблю тебя сейчас и всегда».

Я бы резюмировал так: надежда почти потеряна, но Джеральд обещает попытаться измениться, сам не сильно в это веря. И обратите внимание, какая разница и одновременно сколько общего в его письме Джеки от 1959 г. из Аргентины в Лондон. Тогда они первый раз расстались надолго после свадьбы. Джеки там серьезно пострадала (вылетела через переднее стекло авто с подозрением на трещину в черепе) и отбыла пароходом в Англию. Джеральд остался доводить намеченную программу до конца.

«Дорогая, я люблю тебя. Когда ты уехала, я утратил весь интерес к экспедиции. Мне не на кого кричать, некого упрекать, не на кого сердиться, никто не знает, какой я паразит, никто не говорит мне, какой я хороший, никого нет рядом, когда мне кто-то нужен, мне некого любить. Я так хочу вернуться в Англию, надеюсь, нам удастся это сделать раньше наступления мая. Что бы ты ни решила сделать, я всегда буду любить тебя и надеюсь, что ты тоже любишь меня. Все, чего я прошу, не принимай решения до моего возвращения. Не обещаю измениться, стать хорошим мальчиком и всегда делать то, чего ты от меня хочешь, потому что это была бы ложь. Ты знаешь, что это невозможно, потому что хорошо со мной знакома. Поэтому все, что я могу пообещать тебе, если ты останешься со мной, я буду таким же паразитом, как всегда, может быть, чуть лучше. Все, что я знаю, так это то, что, когда ты уехала, я понял, как сильно тебя люблю!»

Тут еще полно юмора и много надежды. Заметьте, он в шутку называет себя паразитом, но измениться не обещает. Правду пишет.

А в их новые совместные поездки (и деловые, и развлекательные) Джеральд приглашал теперь, кроме Джеки, еще парочку своих приятельниц (по его объяснениям – исключительно для наличия женской компании, которую он так обожал).

Потом его брат с юмором называл эту компанию передвижным сералем. (По мнению некоторых знакомых семьи, к этому моменту Джеки потеряла интерес к сексу, что еще сильнее усугубило ситуацию.)

И, наконец, случился настоящий кризис, настигший его после поездки на Корфу в 1968 г. Произошел очень сильный нервный срыв, заставивший Джеральда даже начать задумываться о самоубийстве (мамины гены: вспомните ее настроение после смерти отца). ДМД вылечили, но ему потребовалось почти два года, чтобы прийти в себя. По мнению Боттинга, причин для впадения в такую тяжелую депрессию хватало: постоянный стресс и в работе, и дома, огромные нагрузки, смерть мамы и непрекращающиеся неутешные мысли о судьбах человечества, природы и животного мира. Громадность и неподъемность проблемы, которую он пытается решить, все это угнетала его. (С моей точки зрения, последние причины, существующие посто-

янно для данной ситуации сильно преувеличены. И предыдущих, обрушившихся после смерти мамы, было вполне достаточно.)

Ну а последней каплей, несомненно, стало тяжелое впечатление от посещения острова его детства. Природный рай, стремительно превращающийся в затрапезный туристский центр. И как он посчитал, во многом и по его вине. Он же написал книгу, прославляющую это уникальное место, считайте, прорекламиривал его по первому разряду, что очень сильно увеличило число туристов, приезжающих именно сюда.

Подобных результатов от поездки на фоне всего остального негативного, при наличии почти полного раздора в личной жизни, ему хватило, чтобы уйти в глубокий запой и потерять интерес к жизни.

По мнению Боттинга, темная сторона натуры Джеральда, к которой он относил его вспышки отчаяния и гнева, мизантропию, переедание, пьянство, постоянную тягу к путешествиям, стремление буквально часами жариться на солнце, уходила корнями в подсознательный страх того, что его жизнь проходит бесплодно. Он считал, что пока ничего не успел сделать и не успеет в будущем. Скорость разрушения природы усилиями человека приводила его в ужас. Каждый час появлялись сообщения со всех концов света об эрозии почвы, отступлении дикой природы под натиском человека, об уничтожении животного и растительного мира. Миллионы случаев экологического вандализма стремительно вели наш мир к катастрофе. И он понимал это лучше других и воспринимал острее, как личное горе. Боттинг считал, что Джеральд просто не справился с невыносимой тяжестью общественного бытия.

Джеки с трудом вытащила его с острова и поместила в английскую частную специализированную больницу (для клиентов с психическими расстройствами) на несколько недель. Но навещать его там не стала (как она пишет по совету доктора, запретившего ей «нянчиться» с больным).

Слегка придя в себя, Джеральд некоторое время пожил в Лондоне у друзей. А с Джеки они увиделись только в феврале.

Наступившей весной 1970 г. потихоньку начал возвращаться к жизни, чему, в частности, способствовала и совместная поездка по югу Франции (в компании Джеки и еще двух молодых сотрудниц Фонда). Но в чем-то он во время нее переусердствовал, и у него случился сердечный приступ, после которого французские врачи предложили ему ограничить свой ежедневный рацион спиртного половиной бутылки сухого вина в день. Естественно, он и не подумал соблюдать их рекомендации, но хотя бы начал задумываться о здоровье, в частности, заниматься йогой. Как он сам считает, именно последнее ему и помогло встретить новые проблемы Фонда в бодром состоянии.

А они были достаточно серьезными: почти все члены правления решили, что для успешного финансового развития этой благотворительной организации ДМД как реальный руководитель им уже и не нужен. Дела пойдут гораздо лучше, если он со своими спонтанными и не всегда обдуманскими действиями, уходом в депрессию и т. п. не будет больше путаться у них под ногами, а останется почетной вывеской, только формальным руководителем Зоо. И под предлогом модернизации структуры Фонда ознакомили ДМД со своими, уже казалось бы, принятыми решениями.

Но они явно недооценили его взрывной характер. Не очень решительный в обычной жизни, почувствовав, что у него хотят отобрать его самое ценное сокровище – Зоопарк, – он перевоплотился в яростного бойца. И выиграл эту битву, уволив негодных и сменив состав правления. Задачу решил блестяще, а заодно и следующую тоже (когда в 1972 г. срочно надо было собрать 120 тыс. фунтов на выкуп земли под Зоо – срок договора аренды подошел к концу).

Находясь на гребне достигнутого успеха, который ему удался почти без поддержки супруги он поверил в себя, так как очень удачно провел турне по США, в которое сначала

страшно не хотел ехать. В течение трех месяцев в разных городах страны он читал лекции о работе Джерсийского Фонда и убеждал богатых американцев жертвовать деньги на его поддержку. Как вспоминает сам, «просить деньги неприятно, но когда встречаешь столько замечательных и щедрых людей, – примиряешься со своей ролью».

И неожиданно для себя его харизма, таланты рассказчика и рисовальщика принесли такие финансовые успехи, о которых организаторы этой акции даже не мечтали. Его уникальный дар увлекать людей только силой слова проявился в полном масштабе.

Опять супруги путешествовали отдельно. Он пересек Атлантику на корабле, а Джеки прилетела в Нью-Йорк на самолете только на заключительный этап его поездки. Как всегда, Джеральду повезло: во время морского путешествия он познакомился с представителями (правда, не самыми богатыми) большого семейства Рокфеллеров. И Марго Рокфеллер (с ее мужем Годфри, он сразу нашел общий язык на почве виски и они пропьянствовали весь рейс и, естественно, стали лучшими друзьями), тоже отдохнувшая от своего супруга во время плавания, очень помогла ему в Штатах. Она знала почти весь бомонд, давала исключительно полезные советы очень эффективно рекламировала это мероприятие. Число богатых и влиятельных членов Фонда выросло до нескольких сотен. В Америке открыли его филиал.

В Великобритании тоже ждал успех. Зоопарк посетила принцесса Анна и, несмотря на неудачные и грубоватые шутки Джеральда, согласилась стать покровительницей Джерсийского Фонда, причем отнеслась к этому не формально, а с полной ответственностью.

А покровительницу его американского филиала, ставшего международным Фондом охраны природы им. Даррелла, он нашел в княжестве Монако. Ему удалось убедить ее стать княгиню Грейс Келли, повсеместно известную в США. Сначала ничего не помогало, не действовали ни уговоры Джеральда, ни ее друзей, ни мужа. Но у ДМД был неубиенный козырь – он выложил на стол фотографии двух малышей-горилл, родившихся в Зоо. Грейс увидела их и... согласилась.

Насколько можно понять из текста биографии, между супругами в этот период соблюдался некий нейтралитет, базирующийся только на общих делах, тем более что вместе они проводили очень немного времени.

1975 г. начался для Джеральда ужасно. Он так готовился к своему 50-летнему юбилею, но за два дня до его проведения пришлось все отменять. Случилось настолько тяжелое воспаление легких, что он подлечился и пришел в себя только в марте. А в конце лета (в связи с изменением налоговых правил во Франции) брат Лоренс попросил их освободить дом, который они у него долго арендовали. И поэтому пришлось снимать новую виллу, около Грасса, которая очень понравилась Джеральду. Он назвал ее «Орлиное гнездо». Переехали. Но стало еще хуже, тяжелую атмосферу царящую на новом месте отмечали все его посещающие.

«Джеральд пил больше обычного, был мрачен и раздражителен. Супруги не просто постоянно ссорились, но и оскорбляли друг друга, причем Джерри не стеснялся в выражениях, а Джеки не отставала от него, не обращая внимания на окружающих». Она постоянно повторяла свою старую мысль:

– Я вышла замуж за человека, который женился на ком-то другом, естественно подразумеваемая под этим «кем-то» его Зоопарк.

Джерри и раньше (на Джерси и во Франции) выполняла роль и полной хозяйки дома, и его менеджера, руководила секретариатом, следила за финансами, подготавливала все его встречи и выступления. Занималась всем, от мелочей до важных вещей: контролировала все покупки, расходы, водила машину, планировала поездки, проверяла бензин, масло и воду, выбирала рестораны, оплачивала счета, следила за выпивкой, одергивая Джеральда, когда тот, по ее мнению, ел и пил слишком много. И вечно должна была быть начеку, причем ее резкость и встречные наезды помогали ей справляться с тенденцией Джеральда всегда и во всем доминировать.

Иногда получалась, но чаще торжествовал его стиль поведения. Он царил в компании приятелей и подружек, приглашаемых в самые шикарные рестораны, и одариваемых ценными подарками. И все это на глазах экономной и деловой Джеки.

Джеральд любил жить с комфортом и вел раблезианский образ жизни. Деньги ничего для него не значили. А когда они кончались, он заставлял себя сесть и написать что-нибудь. Хотя удача в последние двадцать лет ему улыбалась, но у него не было ни капитала, ни собственности. Квартира на Джерси принадлежала зоопарку, а французский дом на побережье он долго арендовал у брата. Большая часть поступающих от издательства денег уходила на удовольствия, путешествия, роскошные обеды для друзей, дорогие подарки и, конечно, на зоопарк. Детали повседневной жизни Даррелла не касались. Он редко носил с собой наличные и чековые книжки. Для этого была Джеки.

А на новой вилле все это ей окончательно надоело. И она уже решительно и серьезно объявила, что задумала от него уйти.

Всем было понятно, что спасти этот брак не удастся, но ДМД (с какой-то тупой настойчивостью) все еще предпринимал и предпринимал попытки как-то ее уговорить и продлить совместное существование. По плану, в ближайшем будущем были запланированы съемки фильма в индийском штате Ассам. Джеки категорически ехать туда отказалась и заявила, что отправится в Австралию изучать вклад местных женщин в охрану природы. Джеральд и с этим согласился.

Но, видно, на душе у него было совсем тяжело. Он переселяется в гостиницу к Марго и вместо подготовки к поездке опять впадает в депрессию. Беспробудно пьет и изучает девяти томник Эллиса «Психология секса», постепенно погружаясь в пучину депрессии. В итоге опять пришлось лечь в клинику. Он понимал, что уход Джеки оставит его в одиночестве (практически уже оставил), а одиночества он переносить не мог.

Его врач просит Джеки не уезжать в Австралию – неизвестно, к каким результатам приведет лечение на этот раз: она может понадобиться здесь. Джеки легко согласилась, но вместо дежурства около больницы отправилась во Францию. Там она провела три месяца – с января по март. За это время осознала окончательно, что одной ей живется гораздо лучше, брак их полностью разрушен, и окончательно приняла решение о разводе.

Неизбежность расставания

Как сказал Маяковский, «семейная лодка разбилась о быт». Она так объясняет свой шаг: – Перед этим был очень тяжелый период для нас обоих. И так больше продолжаться не могло. Вот почему я решила уйти. Я чувствовала, что мне нужно бежать, если я хочу сохранить хотя бы остатки рассудка. Я год за годом тратила нервы и здоровье на спасение Фонда, спасение животных. Но теперь все твердо стоит на ногах. В середине семидесятых я решила – сейчас или никогда. Я была замужем за Джерри больше двадцати пяти лет – это же пожизненное заключение!

А окружению Джеральда перед отъездом она еще и мудрый совет выдала:

– Пока Даррелл находится в таком состоянии, тяжелую поездку в Ассам лучше отложить до будущих времен. А сейчас лучше отвезли бы вы его на солнышко, которое он так любит. Я говорю про Маврикий. В течение последних двух лет Фонд много времени уделял вопросам охраны окружающей среды этого острова. По сравнению с Ассамом эта поездка будет совсем неустойчивой, тем более, что контакты с местными властями давно установлены.

Все немедленно с ней согласились и быстро договорились о шестинедельной поездке на Маврикий. Проконсультировались с врачом и наметили отъезд на конец марта.

И вот Джеральд улетает (но один он реально не может находиться, и Энн Питерс, его сотрудница, отправляется с ним, став первой подружкой, с которой ДМД начал встречаться после разрыва с супругой).

А Джеки заехала на Джерси, чтобы забрать вещи и привести в порядок счета. Это был ее последний визит в Зоопарк. Уезжая, она оставила очень показательную прощальную записку директору и другу ДМД, Джереми Маллинсону: «Прощайте, надеюсь больше никогда в жизни не увидеть это чертово место».

Вернувшись на Джерси, Джеральд обнаружил, что Джеки уже забрала свои вещи. В мае 1977 года состоялась их последняя встреча.

«Мы встретились в Борнмуте, – вспоминала Джеки. – К этому моменту мне удалось успокоиться и взять себя в руки. Я была поражена тем, что и Джерри отлично владел собой. Я сказала ему, что не собираюсь возвращаться, но он опять не захотел принять мое решение. Просил не торопиться, подумать обо всем, рассказывал о возможных совместных поездках (в СССР, в том числе)».

Но ничего не подействовало. Через пару дней Джеки позвонила ему из офиса адвоката и сообщила, что окончательно решила уйти. Джеральд взорвался. На этот раз ему не удалось совладать с собой и он дал волю языку.

Впереди будут четыре года судебных ссор и горечи. Джеки хотела претендовать на половину всей собственности на Джерси. Грозил, что расскажет всем о его нервных срывах и беспробудном пьянстве. Это была настоящая бракоразводная битва. ДМД порой даже в ущерб собственным финансовым интересам стремился всеми способами защитить Фонд.

Наконец, все вопросы были решены, и британский суд весной 1979 г. развел супругов на основании «неразрешимых противоречий». Так как Джеральд не был резидентом Соединенного Королевства, Джеки не получила половину Фонда, на что она так рассчитывала, настаивая на том, что без нее Джеральд ничего не добился бы. Но тщетно. Но одновременно судьи постановили, что Джеральд должен ей выплачивать регулярно индексируемое содержание в размере 7000 фунтов стерлингов в год.

Все наконец-то окончилось, но ощущения у обоих были не из лучших. И Джеральд, и Джеки были разгневаны, чувствовали себя преданными и не хотели видеть друг друга. ДМД не представлял, что их жизнь может завершиться подобным образом и всю вину за это возлагал на свою бывшую жену, обвиняя ее в том, что она самым подлым образом его бросила. Когда

он узнал, что должен будет еще и алименты платить, то просто вышел из себя. Да и сумма казалась ему несправедливо большой.

Но даже очень недовольная результатами решения суда и того, как тяжело протекал развод, Джеки все-таки нашла в себе силы после него написать следующее: «Да, ДМД был слабым человеком. Впрочем, как и большинство людей на планете. Но он очень любил природу и отдавал все силы для сохранения окружающей среды. Это великий человек нашего времени, его вклад в дело охраны природы только начинает получать признание».

И уже в последние дни его жизни добавила: «Я вспоминаю о том времени, что мы провели вместе с ним, с чувством благодарности и любви. Нам было хорошо вместе, особенно когда мы носились по джунглям, собирая животных для нашего зоопарка. Невозможно прожить с человеком двадцать шесть лет и не сохранить теплых воспоминаний о нем и обо всем том, что мы делали вместе. Мы вместе мечтали и вместе воплощали наши мечты в жизнь. Я люблю его и благословляю».

Пусть развод сначала казался Джеральду настоящим адом, но на самом деле семейным адом была их жизнь последние 10 лет. Их брак перестал быть полноценным давным-давно. А его полный разрыв пошел на пользу обоим.

Вторая семейная жизнь

Чудесная встреча на фоне профессиональных успехов

В последние годы перед разводом Джеральду пришлось нелегко. Его мир разбился на две части. С профессиональной и финансовой точки зрения все было просто отлично. Зоопарк и созданный им Фонд не имели проблем и становились все более известными. По всему миру уже насчитывалось более пятнадцати тысяч членов Фонда, двести тысяч человек ежегодно посещали зоопарк, в состав научных комитетов входили ученые с мировыми именами. Федерация зоопарков присудила Джеральду пять премий, и было за что. Ему удалось получить потомство от десятков животных, которым в естественных условиях грозило полное исчезновение.

Но вот в творческом плане, все было гораздо хуже. Оттого, что Джеральд был несчастен, его литературная деятельность пошла на спад. И качественно и количественно. Новые книги более не встречали такого восторженного приема, как прежде, тиражи падали. В 1975–1976 гг. его доход от их издательства составлял всего треть от за предыдущего. Писательская удача отвернулась от ДМД и, казалось, больше никогда к нему не вернется.

А депрессии, в которые он впадал периодически и все чаще, казалось, только и ждали очередного повода чтобы появиться. Способный заряжать тысячи людей своим энтузиазмом, он был слишком раним, слишком бурно переживал эмоциональные перепады. Сложные люди часто неустойчивы в психическом отношении, а Даррелл за последние годы испытал на себе много ударов судьбы. Казалось бы, уже все – конец близок и на этот раз тяжесть бытия вот-вот надломит свою очередную жертву. Оставшись один, чего он категорически терпеть не мог и не переносил вообще, в обществе временных подружек он начнет быстро спиваться, деградировать и саморазрушится.

Но тут случилось чудо – ничего подобного не произошло. Перешагнув пятидесятилетний рубеж своей жизни, изрядно разочаровавшись во всем, устав и подорвав здоровье, он вдруг открывает для себя новую любовь, а вместе с ней словно вновь окунается в юность (надо отметить честно, между окончательным расставанием с первой и обретения второй «настоящей любви» перерывчик получился небольшой. Что возможно его и спасло). И все увидели прежнего Даррелла, заряженного безумным количеством энергии, полным идей и сюжетов. Словно ему снова тридцать, он носится по экспедициям, без усталости решает дела Фонда, заводит множество знакомств, путешествует по всему миру с лекциями и вновь работает, работает, работает. Этот период в его жизни будет длиться довольно долго, почти до начала обрушившихся на него болезней.

У окружающих возникает ощущение, что именно в этот момент он начал жить по-настоящему, безоглядно вышвырнув за борт весь груз прежних жизненных бед и разочарований. Пороху в пороховницах оказалась еще порядком. Третьей любовью его жизни стала Ли Макджордж, двадцати семи лет, профессиональный зоолог и большая любительница животных, с которой Даррелл мгновенно нашел общий язык. К тому моменту ему самому стукнуло пятьдесят два.

ДМД всегда считал себя счастливым. Конечно, в его жизни случались и падения, и трагедии. Особенно богатыми на всякие переживания выдалась последние года. Он падал, но поднимался, хотя не всегда только благодаря собственным усилиям.

И вот в очередной раз (еще до развода) Даррелл колесил по Америке (по его собственному выражению, «со шляпой в протянутой руке»). Это занятие ему не нравилось, но только он со своими талантами оратора, агитатора и трибуна мог собрать необходимые средства для Фонда. Энергии на это тратилось безмерно и уставал он жутко. Чтобы хоть немножко сменить род деятельности в промежутке между выступлениями, ДМД хватается за неожиданное и

незапланированное приглашение посетить Университет Дьюка и взглянуть на его знаменитую коллекцию мадагаскарских лемуров, а может и прикупить кого-то из них для своего Зоо.

Пригласила его вездесущая Марго Рокфеллер, так как (какое совпадение) ее дочь Кэролайн работает в этом университете. Три часа он слушал рассказы Кэролайн, переходя от клетки к клетке, и любовался великолепными животными. Лемурия тема должна была продолжаться до торжественного ужина, который профессора университета довольно неожиданно решили устроить в его честь. Обычно ученые его не очень-то и чествовали.

Потом Джеральд вспоминал, что так устал за день, что в ожидании ужина решил найти укромный уголок, куда можно забиться (естественно, с бутылкой виски в руках). И тут его взгляд упал на молодую женщину, сидевшую в сторонке на пуфике и державшую в руке бокал. Она показалась ему невероятно красивой. А главное – ни обручального кольца, ни спутника рядом. Его инстинкты мгновенно сработали! Джеральд представился, вспомнив, что это не чопорная Англия и обращение незнакомца не должно привести женщину в ужас.

– Привет, я Джеральд Даррелл.

– Я знаю, – ответила она. – Меня зовут Ли Макджордж. (Иногда ее фамилию пишут МакДжордж – чтобы подчеркнуть шотландские корни.)

Она оказалась тут потому, что в последний момент ей позвонил научный руководитель и спросил, не хочется ли ей поучаствовать во встрече с известным и модным писателем Дарреллом. А поскольку она (да еще и во время своей практики на Мадагаскаре) прочитала и очень заценила несколько его книг, то мгновенно изменила свои планы на вечер. Отложила встречу с молодым человеком и пришла поучаствовать в мероприятии. Очень уж хотелось хоть изда-лека, но посмотреть на английскую знаменитость, обожаемого писателя.

А тут вдруг личная встреча! Быстро выяснив, что Ли закончила зоологический факультет и два года провела на Мадагаскаре, изучая экологию и социальное поведение лемуров, а также звуковое общение малагасийских млекопитающих и птиц, ДМД просто обалдел. А когда узнал, что, вернувшись в университет, она работает на этом же факультете, а в свободное время обрабатывает полученные на Мадагаскаре результаты и пишет докторскую диссертацию, впал в состояние грогги. Да и Ли была недалеко от этого. До сегодняшнего дня она никогда не встречалась со столь знаменитым человеком. Тем более, не беседовала в таком раскованном стиле.

– Он был совсем не похож на чопорного профессора, – вспоминала она. – Шеголеватый одет, весел и энергичен. Развевающиеся белоснежные волосы и борода делали его похожим на актера. Его абсолютное обаяние действовало неотразимо. С первого же взгляда становилось ясно, что перед вами особенный человек. Вокруг было множество важных профессоров, но он отличался от всех: в нем была свежесть восприятия, интерес ко всем вокруг. И сразу же чувствовалось, что он англичанин. Я была просто счастлива встретиться со знаменитостью, которая каким-то чудом очутилась тут и захотела поговорить со мной. Ведь я была простой сотрудницей, которой посчастливилось заниматься чем-то, что пересекалось с его работой.

Как я уже отметил, когда Ли начала рассказывать ему про себя, Джеральд уставился на нее в изумлении:

– Общение животных всегда занимало меня больше всего. Да, она была удивительно красива, но красивая женщина, которая изучает поведение животных, для меня была почти что богиней!

– То, что он уделил мне столько внимания, поразило меня, – вспоминала Ли. – Я была польщена. Никто еще не разговаривал со мной таким образом. Я сразу же почувствовала, что Джеральд считает меня привлекательной, и это мне льстило. Я хочу сказать, что внимание парней так не действует. Но звездность Джеральда сначала затмила мне глаза, чтобы отреагировать как то по-женски на его ухаживания. И я не показывала виду, что чувствую. К тому же в тот момент у меня был приятель, к которому я относилась очень серьезно.

Целых два часа пятидесятидвухлетний англичанин и двадцатисемилетняя американка обсуждали вопросы общения животных и пытались сами воспроизвести все звуки. Когда все собрались в ресторан, Джеральд и Ли продолжили беседу уже в ее автомобиле. Их машина возглавила процессию, а за ней следовали автомобили профессоров и профессорских жен. Но Ли и Джеральд так увлеклись беседой, что утратили чувство реальности и времени и стали нарезать по городу круги. В результате в ресторан они подъехали только к десяти часам, а профессорская кавалькада все это время так и следовала за ними по городу. Но и там Джеральд и Ли все не могли остановиться и так и продолжили свое общение до двух часов ночи. Только после этого, фактически уже на рассвете она отвезла Даррелла в его отель.

На следующее утро ДМД решил удостовериться, не приснилось ли ему эта встреча? Не принял ли он вчера желаемое за действительность? Навел справки в университете, и когда ему охарактеризовали Ли Макджордж как самую одаренную студентку, занимающуюся вопросами общения животных, не тратя времени на размышления, тут же ей позвонил, чтобы поддержать знакомство и выразить благодарность за проведенный вечер. Сказал, что скоро уезжает, так что увидеться им еще в ближайшее время не удастся, но он обязательно вернется. И именно к ней.

И, поговорив по телефону, для себя решил, что его первое впечатление – «да это же почти богиня!» – оказалось верным.

Через несколько дней он написал Ли письмо – первое из очень многих.

«Дорогая Ли! Хочу еще раз извиниться. Но когда Вам стукнет столько, сколько мне сейчас, Вы тоже будете вынуждены спешить, чтобы не опоздать. Вы были столь обольстительны, свежи и интеллигентны, что совершенно меня очаровали. Поэтому не могу ли я задать Вам один вопрос? Если случится так, что Ваша любовная жизнь расклеится, не захотите ли Вы совершить небольшую поездку в Европу? И если подобная мысль не кажется Вам отвратительной, напишите или позвоните мне. Вы – одна из самых красивых и умных девушек, каких я встречал в последнее время. Вы тот человек, который мне нужен. Даже если забыть о наиболее очевидной причине, у меня столько работы и мне нужно совершить столько поездок, что мне просто необходима помощница».

Джеральд очень хотел произвести впечатление. Он не был ни молод, ни красив, ни строен. Зато он вел экзотичную, романтическую жизнь и в полной мере наслаждался своей известностью. Он написал Ли, что пробудет в Штатах еще несколько дней, а потом приедет снова в середине мая, когда ему будут присуждать почетную степень в Йельском Университете.

«Затем я вернусь в свой зоопарк на Джерси, а оттуда поеду на юг Франции, где и пробуду до сентября. В начале сентября княгиня Монако Грейс прилетит на Джерси, чтобы открыть наш новый ветеринарный комплекс. В конце сентября я улечу на Маврикий, чтобы набраться солнышка в преддверии английской зимы. Хотелось бы мне быть молодым и красивым, чтобы Вы захотели разделить все эти радости со мной. А, впрочем, не обращайтесь внимания. После Маврикия я надеюсь посетить Ассам, а потом Перу и Мадагаскар. Теперь Вы видите, что я не кривил душой, когда говорил, что очень занят.

Хотел бы оставаться Вашим покорнейшим слугой,
Джерри.

P.S. К черту хорошие манеры – я нахожу Вас чрезвычайно обольстительной!»

Несмотря на возраст, как и во времена своей юности, он по-прежнему обладал невероятной харизмой. И был уверен, что способен пленить и очаровать любую женщину. Как вы уже знаете, будучи верным своему стилю «ковать железо, пока оно горячо», после первого же совместно проведенного вечера Даррелл написал Ли письмо с явственным предложением любовной связи. Но она, невзирая на то, что ДМД был ее кумиром, в этом ему отказала. Мол, уважать уважаю, перед талантом преклоняюсь, но не люблю. Первый наскок не удался, и предложенная ей должность любовницы-зоологини при джентльмене-руководителе многих экологических проектов осталась вакантной.

Но у Джеральда уже был опыт длительной осады (кого интересуют ее детали, то их двухгодичная переписка со всеми подробностями приведена в книге Боттинга). И, конечно, Ли было чрезвычайно трудно противостоять такому мастеру эпистолярного жанра, как Даррелл. Мало-помалу он опутывал ее своими словесными паутинками. Заметьте, опять та же продолжительность – два года сложных уговоров и поисков подхода, но на этот раз не к девчонке, а к серьезной и знающей, чего она хочет, женщине. Очень помогало то, что она была коллегой по работе, любящей животных и уже стажировавшейся именно на Мадагаскаре.

«Внезапно я понял, – писал Джеральд – что у меня есть неиспользованная козырная карта – мой зоопарк. Я решил заманить ее на Джерси, чтобы показать и его и свой одинокий дом. Но как это сделать, чтобы не вызвать у нее подозрений? Мне пришла в голову блестящая идея, и я тут же ей позвонил».

В этом разговоре Джеральд предложил Ли поработать в Джерсийском Фонде. Приплел недавно умершую благотворительницу, которая якобы оставила деньги как раз по теме, которой занималась Ли. И открывшиеся в связи с этим новые возможности и т. д.

Позже, когда она прилетела, чтобы осмотреть зоопарк, ДМД пустил в ход и тяжелую артиллерию. Ведерко с шампанским в аэропорту, собственноручно приготовленные блюда у него дома, вечерние беседы...

(Одна маленькая, но неожиданная для меня подробность: даже и в этот двухгодичный период осады Ли, вроде бы охваченный истинной любовью, он остался верен себе и параллельно успел сделать предложение очередной своей подружке, которая была еще моложе американки – 23-летней! Но та, к его и нашему счастью, отказала.)

А вот Ли после торжественного и детального осмотра зоопарка на Джерси и официального приглашения на почетную и высокооплачиваемую должность в Фонде (одновременно с предложением руки и сердца) согласилась. Козырная карта сработала.

Брак на небесах

В 1979 г., сразу после завершения бракоразводного процесса с Джеки, в Мемфисе состоялась их свадьба. В отличие от первого раза, к этому мероприятию ДМД подошел очень серьезно, с продумыванием всех деталей торжественной церемонии. Шикарный банкет с родителями, близкими и друзьями семьи. Специальные костюмы у жениха и невесты. Прогулка на старинном пароходе по Миссисипи. Для него брак с Ли был чрезвычайно важен. Он означал не просто перемены в жизни, а попытку ее судьбоносного перелома.

Его близкие сотрудники, друзья, хорошо его знавшие в разные моменты жизни, наблюдая даже первые шаги их супружества, в положительном итоге этой перемены уже не сомневались.

«Ли, вне всякого сомнения, стала спасительницей Джерри. Я думаю, если бы не она, он бы умер гораздо раньше, идя к кончине быстрым шагом. Если бы не этот брак, его оставшаяся жизнь превратилась бы в медленное самоубийство. Но теперь он мечтал только о жизни – о жизни с Ли», – утверждает один.

Ему вторит второй: «Джеральду опять крупно повезло, когда он нашел Ли. Она стала его спасением, оказав огромное и благотворное влияние на его жизнь. Благодаря ей он прожил на десять лет больше, став при этом апофеозом ее жизни».

Послушаем и третьего (тут прямо идиллия): «И он был неотделим от нее, и она не покидала его ни на минуту. Несмотря на разницу в возрасте и различия культур, это реально был брак, заключенный на небесах». Круг замкнулся.

А теперь попробуем взглянуть на это событие со стороны Ли. Она всегда была серьезной девушкой с серьезными намерениями. С полной ответственностью училась и собирала данные для диссертации далеко не в комнатных условиях. Два года после знакомства со знаменитостью сомневалась и всесторонне взвешивала его предложения. Наконец, все обдумала и решила согласиться с холодной головой, отлично представляя, на что подписывается. С точки зрения карьеры ей несомненно повезло – она встретила нужного мужчину в нужный момент своей жизни.

Естественно, что их жизнь после свадьбы изменилась, хотя для каждого из них по-разному. ДМД уже имел большой супружеский опыт и прекрасно представлял, что можно ожидать. Но он был ведущим в этой паре, определяя алгоритмы их совместного бытия. Для Ли все было много сложнее: потребовалось переехать с американского Юга на английский остров, сменить зоологический факультет на зоопарк, карьеру на реальную работу, безвестность на громкую известность, спокойную, размеренную жизнь на бурную кочевую. И я вообще не касаюсь их разниц в характерах, возрасте, привычках. Скепсиса у некоторых наблюдательниц в начале отношений хватало – как такая молодая и красивая женщина уживется с этим грузным мужчиной, который уже перешагнул за пятьдесят? Приспосабливаться то в большей степени придется ей! А некоторые привычки Джеральда, ни за что не хотевшего их менять, были далеко не подарок.

Третью года они разъезжали по всему миру, собирая деньги для Фонда, читая лекции и покупая животных, вторую треть они проводили на юге Франции, а последнюю – в Джерсейском зоопарке. И нигде ДМД не изменял своим сложившимся правилам – просыпался с банкой пива и засыпал с бокалом бренди. Никаких возражений он не принимал:

– Мой доктор говорит, что проблем нет, добавляя, что я не заслужил такого замечательного сердца, печени и состояния здоровья, – постоянно повторял он. (Что еще, совершенно противоположное, говорил его доктор, я напишу позднее со своими комментариями). Ли пришлось с этим смириться. Но другого Даррелла она вообще не знала, может, именно это упростило ситуацию?

Джеральд очень гордился своей молодой женой (и красотой, и умом, и профессиональной подготовкой) и не переставал удивляться своему счастью. Хотя он редко судил людей по ученым степеням (это было его большое место в течение всей жизни), для Ли он сделал исключение. И очень высоко оценивал ее диссертационную работу: так, словно это была его собственная, постоянно поддерживал и помогал ей во всех научных аспектах.

В одном отношении Ли оказалась близка к совершенству. Никаких поводов к ревности. И это было очень правильно, так как женившись на столь молодой женщине, Джеральд реально терзался сомнениями, насколько долго его хватит. Особенно они усиливались, когда он видел ее в обществе молодых мужчин, например, в процессе съемок их же документальных фильмов. Несколько раз эти сомнения выливались во вспышки неконтролируемой ярости и ревности. Потом успокаивался и даже иногда извинялся. И постоянно повторял ей свои мантры о любви и преданности.

Его квартира в поместье Огр претерпела серьезные изменения после того, как в нее въехала новая хозяйка. Сломали стену, разделявшую две небольшие комнаты, и получилась просторная, светлая гостиная, украшенная коврами. Вклад Джеральда в обстановку квартиры ограничился его книгами, которые занимали две стены в гостиной. Здесь же Ли поместила коллекцию скульптур, посвященную животным. Эти статуэтки были привезены из самых разных стран и изготовлены практически из всех известных человеку материалов – от глины и дерева до стекла и железа.

Но стиль жизни оставался почти прежним. В гостиной Джеральд постоянно принимал журналистов, зоологов, директоров зоопарков, биологов, специалистов по охране окружающей среды, архитекторов, издателей. Дом Дарреллов остался открытым. Вечером он перебирался на кухню, где встречался с сотрудниками зоопарка за рюмкой-другой после завершения их рабочего дня. И запросто мог засиживаться с друзьями за столом далеко за полночь.

Когда он был на Джерси, то писал за кухонным столом, иногда и по ночам. Привык, хотя большую часть своих книг Джеральд создавал во Франции.

Ли приходилось не только привыкать к семейной жизни в столь необычной обстановке. Она должна была приспособиться к необычной натуре своего мужа. Веселый, темпераментный, легко идущий на контакт Даррелл был мечтой любого журналиста. Но было бы ошибкой считать, что это и есть его подлинное лицо. Он был чувствительным, весьма вспыльчивым, непредсказуемым человеком, чья любовь к миру носила отнюдь не биологический характер. Мягко говоря, он не слишком любил человечество.

По мнению уважаемого биографа Боттинга (с которым я на этот раз совсем не согласен), его ответы на некую достаточно стандартную анкету дают ключ не только к пониманию его собственной натуры, но и причин, по которым он стал именно таким человеком. Я их прочитал и никакой логической связи не нашел.

Так, любимым животным (по своей женственности) у Даррелла была самка жирафа: «Она так грациозна, у нее такие большие, блестящие глаза с длинными, густыми ресницами! Красивее животного не существует. Если в мире возможна реинкарнация (во что он очень хотел верить), то человеку не придется жаловаться, когда он вернется на эту землю в виде самца жирафа».

Любимым ядовитым животным стала амазонская древесная лягушка (я со своим обожанием древесниц прямо как будто у него позаимствовал это пристрастие).

И т. д. – продолжались ответы на трафаретные вопросы журналистов, вплоть до любимой еды, которой оказалось копченое мясо северного оленя (явно в России попробовал под водку, это ж сколько ее надо было выпить, чтобы так это мясо расхваливать?)

Но как эти ответы раскрывают его натуру и, тем более, могут объяснить, почему он таким стал – я понять не могу. Мне тоже очень нравится грациозность жирафов, и самцов, и самок. (Да, нас много таких, и эти чувства восхищения отлично выразил Николай Гумилев. Какое

описание! «Ему грациозная стройность и нега дана и шкуру его украшает волшебный узор, с которым равняться осмелится только луна. Дробясь и качаясь на влаге широких озер».)

Я готов часами наблюдать за квакшами, сам содержал некоторых. А когда в Коста-Рике в маленьком частном Зоо их посадили прямо мне на грудь и руки (в том числе, якобы, очень ядовитых) – просто закайфовал.

Насчет копченого мяса могу отметить следующее: ДМД надо было бы в Карабах съездить и попробовать копченое (вяленое) мясо дикого поросеночка, выросшего в местных лесах, или в грузинскую Рачу добраться – для того же самого (тамошние домашние свинушки, выросшие фактически на подножном корму, вкусом получаемых из них деликатесов от лесных фактически не отличаются и). А про совсем не зря раскрученный хамон из испанской Арасены вообще молчу. А настоящая бастурма? Мне кажется, что на фоне этих продуктов копченое мясо северных оленей просто отдыхает. И что теперь – с таким мнением я должен быть принципиально иным человеком, чем он? (Очень редкая, да и не существенная, моя придирка).

Двинемся лучше за новобрачными дальше. После свадьбы и небольшого периода взаимного привыкания началась вторая плодотворная профессиональная жизнь уже немолодого Даррелла. Такая плодотворная, что он этого сам не ожидал.

Они снялись в целом ряде телевизионных сериалов на общую тему «Путешествия Ковчега». Им удалось, работая вдвоем, создать книгу «Натуралист-любитель» – практическое руководство для любителей природы всего мира и всех возрастов. Настоящий бестселлер, возможно, даже лучшая профессиональная книга Джеральда Даррелла, теперь уже в соавторстве с Ли. Честно говоря, основная работа упала на ее женские, хотя и далеко не слабые, плечи: изучить и детально проработать вопрос, рассматриваемый в данном разделе (а их набралось 12 по числу климатических зон земли), и написать черновик материала. Я такой труд хорошо представляю, выполненный ею объем обработки материала реально впечатляет. За Джеральдом была творческая переработка в его неповторимом стиле, что позволило книге стать совершенно захватывающей энциклопедией натуралистов в любом уголке земного шара.

Около двух миллионов экземпляров «Натуралиста-любителя» издано в мире, и до сих пор это пособие остается лучшим подарком тем, кто любит природу. (И мне откровенно стыдно за Россию, которая до сих пор официально так и не удосужилась перевести этот шедевр на русский и издать. Я сначала просто не мог в это поверить. Думал, найти не могу. Потом понял, в чем дело. Пока можно было переводить и публиковать любыми тиражами книжки Даррелла бесплатно – проблем не было. Ну а когда российское законодательство привели в полное соответствие с Бернской конвенцией – ситуация принципиально изменилась. Её Величество Выгода стала определять все).

Что значит любить природу? Это значит хотя бы попытаться встать на путь, по которому прошли Дарвин, Фабр и Даррелл. Они не были учеными и специалистами, но стали ими в результате своей любви к природе и неумолимого любопытства, которое и порождает стремление понять окружающий нас животный и растительный мир. Огромное количество простых людей, и детей, и взрослых, хотят и любят наблюдать за живущими рядом с ними существами.

Я сначала прочитал «Натуралиста-любителя» на французском (очень тяжело, было много специфических терминов, не до конца справился, а потом уже вытащил из «ВКонтакте» русский текст) и мне чрезвычайно жаль, что в детстве у меня не было именно этой истинно даррелловской книги. Были, конечно, тогда другие, достаточно подробные пособия, но они были суховатые и скучноватые, типичные учебники, а это – захватывающая песня!. Ух, как бы я тогда, в своей домашней натуралистической деятельности, с ней развернулся.

Сравнить ее по таланту написания могу только с «Лесной газетой» Виталия Бианки, которую и сейчас с удовольствием перечитываю местами и временами.

Они очень много путешествовали, и это уже было нелегкое испытание для ДМД. Однако и сил, и здоровья еще хватило, чтобы, например, за три визита посетить 20 заповедников СССР

и снять многосерийный телевизионный фильм (было задействовано 30 миль пленки). Это было реально тяжело, представьте – одолеть 150 тыс. км за почти полгода разъездов в общей сложности. А во время перерывов между переездами неоднократно подвергать себя испытаниям демонстраций русского, грузинского и т. д. гостеприимства. И Джеральд, и Ли, вернувшись в Англию прямо с Таймыра, долго еще не могли забыть вкус водки и оленины. Впервые в жизни Ли (а не Джеральд!) именно на нашем Севере почувствовала себя пьяной (наверное, хозяева воспользовались отвлечением Джеральда на копченое мясо северного оленя и перестарались с персональными тостами за прекрасную даму).

Благородная старость – миссия выполнена

Вторая половина 80-х – золотой бенефис Даррелла. Все получилось, всего достиг. Зоопарк, когда-то едва сводящий концы с концами, ухожен и находится на вершине популярности. Фонд охраны дикой природы, не так давно выглядевший какой-то мутной авантюрой странных типов, стал авторитетнейшей международной организацией со множеством дочерних организаций и филиалов.

Убеленный благородной сединой, шестидесятилетний Даррелл на любом континенте почитается как живое божество и встречается с любыми царствующими особами по своему выбору. В общем, пик настоящей славы не только пришел, но и задержался. Джеральд Даррелл становится своеобразным Махатмой Ганди 80-х годов. Участвует в торжественных открытиях всего, связанного с природой, читает лекции о важности сохранения биологических видов и получает бесчисленные ордена.

Это действительно вершина его торжества, подобная Джомолунгме. Выше уже просто некуда. Из никем не принимаемого всерьез мальчишки он стал отцом набирающего силу всемирного движения охраны дикой природы, непререкаемым авторитетом и патриархом естественных наук. Пожинай плоды своей деятельности и попивай шампанское! Заслужил!

А он, вдохновленный счастливой семейной жизнью, еще и продолжал работать. За это время успел написать четыре книги (от «Даррелл в России» в 1986 г. до последней – «Ай-Ай и я» в 1992 г.) и собирался начать новую: свою лебединую песню, которую хотел назвать «Я и другие звери: опыт автобиографии». Но уже не смог. (Попытался вместо него такую книгу написать потом его соратник Дэвид Хьюз, под названием «Himself and Other Animals». И издал, но это было уже типичное не то.)

Для этой книги он собрал множество материалов, воспоминаний и зарисовок. Но уже сам чувствовал, что не сможет, не успеет. Хотя иногда ему все еще казалось, что он справится с ее компоновкой. Правда вот, старость может помешать. И хотя сам понимал, что, к сожалению, этот процесс необратим, но смириться не хотел. Проводил целые дни, сидя над чистым листом бумаги, прокручивал в голове разные варианты и так и не написал ни единого слова. На самом деле, как мне кажется, ему еще и страшно было писать автобиографическую вещь, практически собственный некролог.

Как вы видите, последний этап жизни этого великого человека проходил так великолепно, как он и не мечтать не мог.

Но наступил момент, когда болезни навалились со всех сторон и начали одолевать. Про режим и какие-либо ограничения в напитках он по-прежнему слышать не хотел. И как только вырывался из-под контроля врачей и супруги, к утренней порции пива и дневной вина (в неограниченном количестве) добавлялась бутылка виски.

Но Ли никогда не жаловалась на судьбу. Даже в этих ситуациях она сохраняла спокойствие, подтверждая свою репутацию сильной и разумной женщины. Была абсолютно предана мужу и продолжала делать для него все возможное, даже если в тот момент была совершенно измучена.

Это действительно был подарок судьбы. Джеральд часто называл ее «зоологиней» и шутил, что соблазнил Зоопарком. И что она вот уж совершенно точно вышла замуж не за него, а за Зоопарк. (Именно этим укоряла его первая супруга, но зло первой семейной жизни стало добром во второй.)

Но дело было не совсем так. Вот какую правду написала Ли (что мне в ней очень понравилось) уже после его смерти: «Мне хотелось стать частью жизни Джерри и способствовать исполнению его мечты. Ведь я вышла замуж не по любви. Считаю, что не заслуживала его глубокого чувства, потому что не могла отплатить ему тем же – по крайней мере, сначала. Но я

всегда была честна по отношению к нему. Когда же Джеральд серьезно заболел, мне захотелось защитить его. А поняв, что могу его потерять, я начала понимать, кого имела. И тогда я по-настоящему полюбила своего мужа и сказала ему об этом. Он был поражен, ведь я так долго не произносила этого слова. Ему было очень приятно... приятно, как ребенку. И он никогда не упрекнул меня за то, что я была так глупа и многого не понимала раньше». А когда ей исполнилось 66 лет она добавила «В то мгновение, когда я его впервые встретила я испытала такое чувство, словно зажглась тысячевольтовая лампочка. Мощь, энергия, харизма – сразу понимаешь, что очутилась в присутствии кого-то, абсолютно отличного от ее окружения». Но, вспоминайте, головы не потеряла.

Любовь к женщинам и алкоголю

ДМД даже в старости оставался харизматичным и привлекательным мужчиной и расценивал себя таким до самого конца. Даже в больнице не мог удержаться от флирта с медработницами. Он знал, что его любят, и это окрыляло его. Джеральд всегда обожал жизнь (а совсем не боялся ее, как считал его доктор) и любил женщин. Причем именно любовь к женщинам была мотивационным фактором, стимулирующим его успехи.

Вот интересно, что было сильнее: любовь к женщинам или к алкоголю? (В его собственной классификации много кокетства). Без последнего он тоже не мог существовать и применял постоянно, как давно и хорошо проверенный стимулятор. Вот вам история на грани анекдота: в Ассаме, когда лодка, на которой они плыли, начала тонуть, и надо было ее облегчить, он не разрешил выбросить ящик с местным пивом, которое ему понравилось. Заявил:

– Выбросить пиво в реку? Да вы что, с ума сошли?! Никогда. Лучше погибнем вместе!

Разве не героическое решение? Производители местного пива должны бы этой фразой гордиться и сделать ее рекламой.

Обычно его страсть к алкоголю объясняли генетическим предрасположением. Все дети Дарреллов этим грешили, ну и, конечно, во всем виновата была ирландская мама. Наследственность у нее была такая и ничего с этим не сделаешь.

Однако его врач объяснял это иначе:

– ДМД принадлежал к типу компенсированных алкоголиков (как правило, это первая, начальная стадия алкоголизма, которая довольно скоро перерастает в субкомпенсированный, а потом и декомпенсированный «изм», с последующей деградацией личности). Есть такой тип людей, которым нужно сбежать, спрятаться от действительности, постоянно защищать свое внутреннее «я» от жестокой реальности бытия. Жизнь для них слишком тяжела и непереносима. В случае ДМД алкоголь являлся именно такой защитой. И получается, что не влиял на способность плодотворно работать и нормально существовать в этом мире. Компенсированные алкоголики способны на такой образ жизни. Выпивка для них – это норма существования, более того, алкоголь необходим им как пища и вода, он позволяет им эффективно работать. В противном случае таким личностям не хватит сил и смелости жить в этом мире.

Я с этим врачом совершенно не согласен. Он пытается загнать Даррелла в общие рамки существующих представлений об алкоголизме. Но в них нельзя всю жизнь оставаться компенсированным алкоголиком. Это невозможно, в классическом алкоголизме это лишь первая стадия. И думаю, что придуманная доктором постоянная нехватка смелости, чтобы жить, тут совершенно ни при чем. Когда на ДМД со всех сторон действительно наваливалась куча проблем, тут уж действительно мог начаться реальный запой и депрессивно-апатическое состояние. Но не видеть выхода и все равно бороться или бояться реальности и перед ней пасовать – совершенно разные вещи. А ДМД из своих временных депрессий выходил и возвращался на свой уровень. А в течение второй жизни прежний уровень вообще превзошел. То есть он не был типичным алкоголиком.

Многие отмечали, что Дарреллу всегда нравился сам процесс питания – любого напитка, включая чай (правда, последнему он все-таки предпочитал что-нибудь покрепче). И в таком режиме он привык жить с детства, не скрывая от окружающих своих желаний и потребностей и никак не связывая эту привычку с эффективностью своей работы.

Я уверен, что просто есть особо талантливые люди, способные напрямую общаться с Сущностью (обычно говорят «с Богом»). И на них обычные человеческие правила и условности не распространяются. Я лично знал таких и всегда поражался двум вещам: их огромной работоспособности (при наличии несомненного таланта и высочайшей квалификации) в условиях необычного (скажем так) образа жизни.

Начинать каждый день с пива, переходя потом на вино, и заканчивать бутылкой виски – лично для меня это очень тяжело, практически непереносимо. Если я вообще стану придерживаться подобного алкогольного режима, то впаду в сильно нервное состояние уже через пару дней и не смогу ручаться за адекватность моего поведения (было уже такое, и случались эксцессы). Это не мое, и как возможно придерживаться даже такого режима всю жизнь, просто не понимаю. Но оказывается, что у некоторых получается. Один Владимир Высоцкий чего стоит!

Если вам интересно познакомиться с личностью, в этом вопросе являющейся неким подобием ДМД, прочитайте во многом автобиографическую книгу всемирно известного художника Юрия Купера «Сфумато» (2015 г. изд.) Она очень талантливо сделана, как и все, за что он брался. Так получилось, что на протяжении нескольких лет я довольно часто общался с ним и даже получил на память намалеванный в спешке (зато лично) образ филина с дарственной надписью (на какой-то из моих дней рождений).

В качестве эксперимента, один раз, в Ярославле, на отмечании юбилея общего знакомого я попробовал в течение нескольких дней выдержать его график: на второй день праздника (а до этого выпито было не мало) мы с ним начали раннее утро с шести бутылок пива, за обедом прикончили бутылок пять белого вина на троих (стаканами под волжскую уху) и вечером перешли на виски, по бутылке наверно точно уговорили. А на третий продолжили до отхода поезда. Потом два дня я приходил в себя, для меня это было тяжелым исключением. А Юра два вечера еще и пел с эстрады (и очень душевно, в том числе свою любимую – «Синий платочек». Если найдете такую пластинку его дуэта с Александром Маршалом – считайте вам повезло), а сразу по возвращению в Москву (пока я оклёвывался) улетел работать в Ростов-Дон над театральными декорациями! В полном творческом порядке.

Также и ДМД: безостановочно работал и безостановочно пил, всегда хвастался своим сердцем и печенью, однако даже его железный организм начал не выдерживать такого режима.

Прощание с мэтром

И болезни обрушились на него со всех сторон. Операция суставов на правом бедре, сердечные приступы. Судороги и потери сознания. А потом все-таки не выдержала и печень. Цирроз, осложненный опухолью, и помочь могла только ее трансплантация. С учетом возраста и общего состояния здоровья шансов на успех было совсем немного. Но ДМД верил, вернее, надеялся, и Ли его всячески поддерживала.

Однако через девять месяцев после успешной операции по ее пересадке он умер от заражения крови на 71 году жизни. Просто ослабевший организм не выдержал таких нагрузок.

Месяц спустя, 9 марта 1995 г., прах Джеральда Даррелла навеки упокоился под небольшой мраморной плитой в саду поместья Огр. Здесь он провел тридцать пять лет своей жизни, сначала вместе с Джеки, потом с Ли, здесь он боролся за осуществление своей мечты. Много прощальных речей было сказано, еще больше написано воспоминаний, чтобы посмертно охарактеризовать его личность. Не могу не процитировать отрывки из некоторых, особенно мне понравившихся.

Вот Саймон Барнс, английский журналист и писатель, тогда еще и ведущий субботней колонки в The Times посвященной проблемам дикой природы. Он подчеркивает необычайность Джеральда Даррелла. «ДМД был человеком рая. Найденный рай, потерянный рай, восстановленный рай, воображаемый им рай, как мечта и надежда; осажженный рай, освобожденный рай, построенный рай, недостижимый рай; рай, возведенный его собственными руками. Рай был его предприятием, его жизнью, его разрушителем, его спасением. Он сотворил литературный шедевр (Моя семья и другие животные»), в котором созданный рай, воскрешается в памяти с особенным и прекрасным чувством. Он построил рай, основанный на его личных верованиях, и, где зоопарк представлен таким, каким действительно должен быть. И после его смерти в 1995 г., он оставил после себя организацию, которая работает для возрождения соприкосновения рая с человечеством и со всем что живёт.

Это ее сотрудники в 1988 году закопали письмо в будущее ("капсулу времени") в парке Даррелла, написанное им. В нём говорится следующее: «Мы надеемся, что светлячки будут вашими путеводителями в ночи и бабочки в живой изгороди и лесу будут приветствовать вас. Мы надеемся, что ваши рассветы будут сопровождаться оркестром песен птиц и звук их крыльев и опаловый их цвет будут ослеплять вас. Мы надеемся, что необычайные создания будут делить мир с вами, чтобы очаровывать и обогащать ваши жизни, как когда-то они сделали это с нашими. Мы надеемся, что вы будете благодарны, что родились в этом волшебном мире».

«Миру нужен Даррелл», говорит Дэвид Аттенборо. Даррелл – это голос, пример, наследие, убеждение, дело». Он назвал его волшебником, подчеркнув роль магии Даррелла, которая повлияла на жизни очень многих людей.

Ну и прекрасно написал в своих воспоминаниях о последнем периоде его жизни: «Юный идеалист, с которым я познакомился в Буэнос-Айресе сорок лет назад, очень сильно изменился. Волосы его побелели, тонкие черты лица скрыла окладистая борода, фигура приобрела осанистость. После артрита Джерри заменили тазобедренные суставы, и он уже не мог, как прежде, гоняться за обезьянами и белками. Теперь мой друг не расставался с палочкой и, как я подозреваю, умышленно «работал» под библейского старца, получая от этой игры неслыханное удовольствие. Но самое главное осталось в Джерри неизменным: его одержимость любимым делом, потрясающее чувство юмора и вечная обеспокоенность судьбой животного мира.

В январе этого года он умер, проиграв поединок с давно мучившей его болезнью. Мемориал Джеральда Даррелла – розовые голуби и экзотические черепахи, редкие виды лягушек и лемурув. Их больше не было бы на нашей Земле, если бы не он и его работа. Дух Джерри живет в новых зоопарках и зоопарках старых – всюду, где приняли его программу консервации. Он

живет в воспоминаниях целого поколения тех, кто, вволю насмеявшись, прочитал Переполненный ковчег, а потом стал ревностным сторонником его идеи. И будет жить в следующих поколениях. Мир в неоплатном долгу перед ним».

И у Боттинга я нашел его характеристику, которую считаю одной из самых коротких и удачных одновременно: «Это был гений, обладающий детской ясностью мышления, понимающий, что нужно сделать, хотя и не всегда представляющий себе, как именно». По-моему, так про него сказал один из сотрудников Фонда, некто Саймон Хикс.

А в заключении траурной церемонии принцесса Анна зачитала очень искреннее послание ДМД будущим поколениям: «Завещание Джеральда Даррелла», текст которого приведен ниже:

«Я лично не хотел бы жить в мире без птиц, без лесов, без животных всех размеров и видов. Звери составляют бессловесное и лишённое права голоса большинство, выжить которое может только с нашей помощью. Каждый должен хотя бы попытаться остановить ужасное осквернение мира, в котором мы живем. Я сделал то, что смог. Единственным доступным мне способом».

Прощание состоялось, наверное, именно такое, как бы ему и хотелось. Или не состоялось? Почему такой вопрос появился у автора биографии ДМД, несомненно, разумного и реально мыслящего человека? Да и у меня тоже. Если вы сами хотите попробовать на него ответить, прочитайте ниже два текста.

Воспоминание Боттинга, побывавшего после смерти Джеральда Даррелла на Корфу

«Темной безлунной ночью я ужинал с друзьями в приморской таверне. Они ушли, а я засиделся, увлекшись разговором с незнакомцем. Когда я собрался уходить, темнота сгустилась настолько, что я не видел тропинки, ведущей к моему дому. Я бродил взад и вперед, не понимая, куда идти, как вдруг передо мной появился слабый, дрожащий неоновый огонек. Он появился на уровне моей груди, примерно в трех футах от меня. Я сделал шаг вперед, огонек отступил, сохраняя то же расстояние. Потом огонек несколько раз моргнул.

Это был светлячок. Странно, что он появился в неурочное время года и в полном одиночестве. Еще более удивительно было его совершенно не свойственное этим насекомым поведение. Я сделал еще один шаг вперед, и снова светлячок отступил, сохраняя прежнее расстояние. Мы продолжали двигаться вперед, светлячок летел передо мной. Я понял, что направляюсь к тропинке, которую так долго не мог найти. Светлячок проводил меня до дорожки и помог найти путь в кромешной темноте. Так мы и шли, пока он внезапно ни остановился и резко свернул в сторону. Доверясь этому необычному проводнику, я последовал за ним и обнаружил, что стою у калитки дома, в котором проживал. Светлячок перелетел через калитку, я вошел во двор. Где-то впереди была дверь на кухню, и светлячок летел прямо к ней. Когда я дошел до двери, он погас и сел мне на ладонь. Я был дома.

Так не бывает! – твердил я себе. Разве светлячки могут помогать людям? Я поднес ладонь к глазам, чтобы рассмотреть крохотное создание. И в этот момент я услышал голос ждущего меня друга, который молча сидел в темноте и наблюдал за мной. Я осторожно дунул на светлячка, он взлетел, загорелся, описал круг и исчез в кроне оливкового дерева.

– Ты понимаешь, что сейчас случилось? – спросил мой друг, политический обозреватель, совершенно разумный и здравомыслящий человек. – Это Джеральд Даррелл следил за тобой и помог вернуться домой! Ни слова больше – нам надо выпить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.